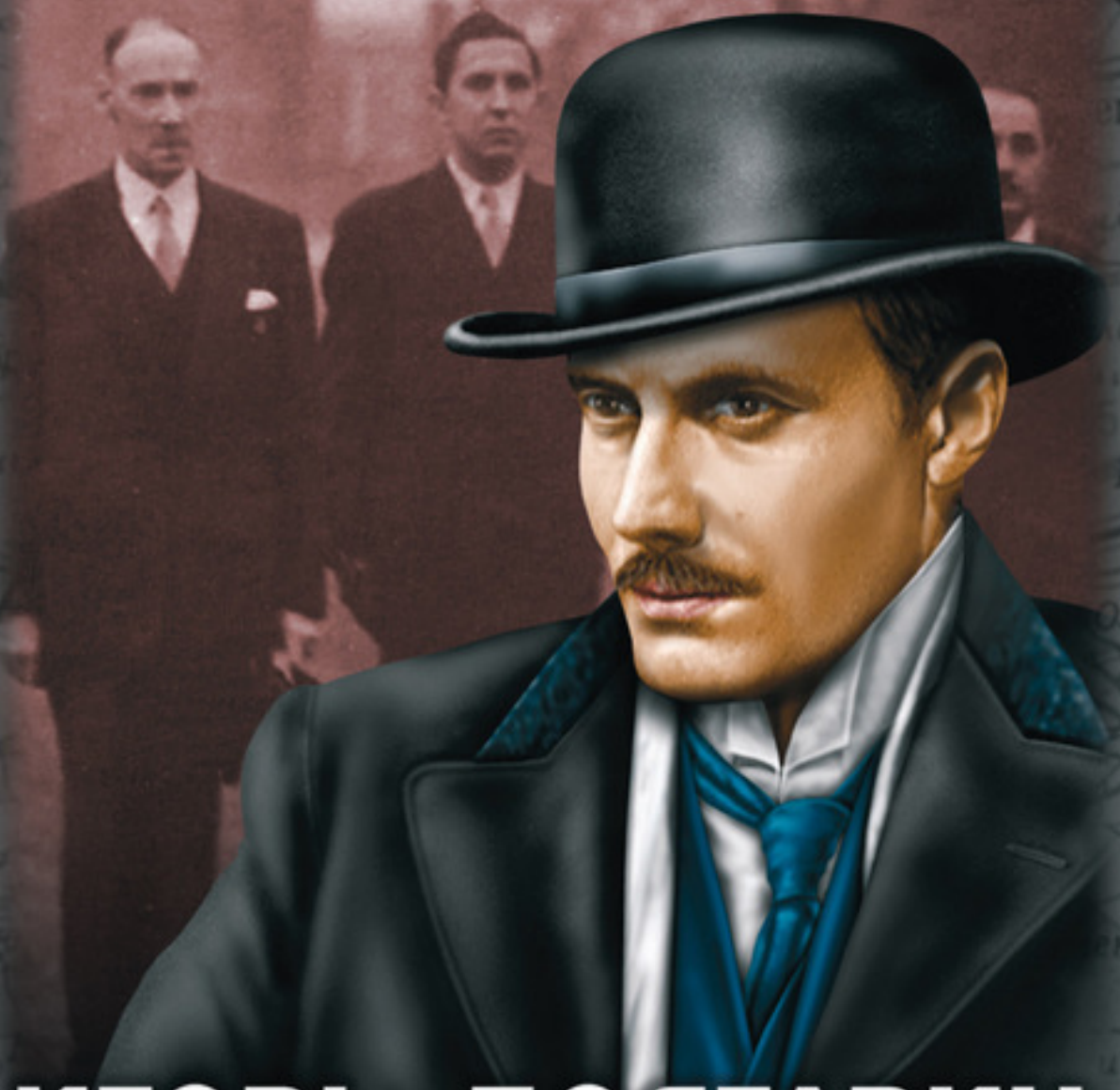

Военные
Приключения

МИССИЯ В ПАРИЖЕ

ИГОРЬ БОЛГАРИН

Адъютант его превосходительства

Игорь Болгарин
Миссия в Париже

«ВЕЧЕ»

2009

Болгарин И. Я.

Миссия в Париже / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ»,
2009 — (Адъютант его превосходительства)

ISBN 978-5-4444-7767-0

И вновь мы встречаемся с уже любимыми героями сериала «Адъютант его превосходительства» – Павлом Кольцовым, Петром Фроловым, Таней Щукиной и многими другими. В новом романе Игоря Болгарина рассказывается о секретной операции под грифом «Бриллиантовая дипломатия», к которой прибегло молодое правительство Советской республики для скорейшего завершения Гражданской войны, а также об операции «Засада», не менее трудной и головоломной, проведенной Павлом Кольцовым незадолго до последних сражений на Южном фронте, в октябре 1920 года.

ISBN 978-5-4444-7767-0

© Болгарин И. Я., 2009

© ВЕЧЕ, 2009

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Глава шестая	42
Глава седьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Игорь Болгарин

Адъютант его превосходительства

Миссия в Париже

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Поезд в Москву пришел рано утром. До восхода было еще далеко, но ночная чернота уже уступала серенькому промозглому рассвету. Окружающие вокзал низкорослые дома печально темнели, словно были покинуты людьми. Не светило ни одно окошко.

Кольцов немного постоял возле вагона, в надежде на то, что отправленная Гольдманом телеграмма не канула в безответную пустоту, и его встречают. Немногочисленные пассажиры, высыпающие из вагонов, сонно и хмуро двигались по перрону мимо него, лишь тусклые огоньки сигарок иногда на мгновение высвечивали мрачные сосредоточенные лица.

Кольцова никто не встречал: забыли или дел невпроворот? И он тоже неторопливо двинулся к выходу. Про себя отметил новую оптимистическую примету времени: заградотряды, которые еще совсем недавно просеивали прибывающих в Москву пассажиров, были отменены. И приезжие теперь свободно и беспрепятственно вытекали сквозь широко распахнутые железные ворота. Стало быть, власть все больше верила в свои силы.

И позже, вышагивая по пока еще малолюдным улицам, он отмечал все то новое, что свидетельствовало о какой-то твердой уверенности в необратимости происходящего. Не зияли больше окна домов черными проломами или фанерными заплатами, над немногочисленными пока магазинами появились обстоятельные вывески. Жизнь города постепенно возвращалась к своей прежней привычной обоснованности, вновь входила в свои берега.

И то ли от всего увиденного, оттого ли, что утреннее солнце уже выглянуло из-за домов и пролило свой свет на пока еще малолюдные улицы и они вдруг радостно заискрились мелкими лужицами и еще не высохшими каплями от сеявшего всю ночь жиденького осеннего дождичка, сумеречное настроение Павла от встречи с унылой, мокрой предрассветной Москвой сменилось почти щенячьей радостью. И недавние тяжелые бои под Каховкой, гибель Жени Ильницкого и почти всего полка, состоявшего в основном из домовитых и основательных белорусских мужиков, встреча со Слащевым в Корсунском монастыре, схватка с Розалией Землячкой, арест и почти чудом миновавшая его смерть – все это отступило в давность, растворилось в светящемся радостью солнечном утре.

Вход в здание ЧК на Лубянке был заперт, но на звонок вроде как кто-то отозвался, затем явственно послышались шаги по каменным ступеням, дверь открылась, и в проеме встал заспанный часовой с винтовкой в руке.

– Уже утро, дорогой товарищ, – добродушно сказал Кольцов. – Пора просыпаться.

– Поспишь тут, как же! – проворчал часовой. – Всю ночь хороводились. Недавно угомонились.

Кольцов протянул свое удостоверение. Тот медленно шевеля губами, долго его изучал.

– Кольцов... ну да. Так за вами еще вчера автомобиль посылали. И товарищ Герсон сам лично за вами ездили... Во, дела! – часовой тянул слова, размышляя, как поступить с этим сверххранним посетителем, но удостоверение полномочного комиссара возымело свое действие. – Проходите.

Секретарь Дзержинского Герсон уже не спал, хотя у подголовника дивана на месте подушки пока еще лежали несколько увесистых томов «Брокгауза и Эфрона», а по всему дивану, вместо одеяла, разметалась шинель. В уголочке приемной уютно сипел уже раскопегаренный самовар.

Герсон был полной противоположностью Дзержинскому: невысокого роста, плотный, с глубокими залысинами на большой голове. Обернувшись на вошедшего Кольцова, он заулыбался и, идя навстречу, радостно протянул обе руки.

– Здравствуйте, Павел Андреевич. Вчера вас ждали, Александровским поездом. Я был на вокзале, всех пассажиров переглядел. Подумали, что вы задержались, но не успели сообщить. Ждали новой телеграммы.

– Феликс Эдмундович когда будет? – коротко, переходя на деловой тон, спросил Кольцов.

Герсон неопределенно пожал плечами:

– Боюсь, этого никто не знает. Он только недавно вернулся с Белостока и пока не принимался за дела. Похварывает. Если не поедет с утра до врачей, то скоро будет. Но вам нет необходимости его ждать. Два дня назад вами интересовался председатель Особого отдела ВЧК Вячеслав Рудольфович Менжинский. Но вчера что-то переменялось. Сами знаете, у нас сейчас все очень быстро меняется. И Вячеслав Рудольфович просил, как только появитесь, связать вас со Свердловым. Вы, наверное, знаете, он отвечает у нас за Красный Крест?

– Не подскажете, зачем я понадобился Красному Кресту? – удивленно спросил Кольцов.

– Ничего удивительного. Вениамин Михайлович руководит не только Красным Крестом, но по линии ВСНХ у него еще и Главзолото и даже, кажется, внешняя торговля.

– Нарком Внешторга, насколько я знаю, товарищ Красин.

– Совершенно верно. Но по линии ВСНХ Вениамин Михайлович помогает товарищу Красину. Такой маленький человек, и ворочает такими большими делами.

Потом Герсон куда-то звонил, долго ждал. Но телефонная барышня сказала, что абонент пока не отвечает.

– Подождем! Все учреждения начинают работу в восемь. А сейчас... – Герсон извлек из кармашка брюк часы, со щелчком открыл крышку, – ... сейчас еще только двадцать минут восьмого. Время утреннего чая. Надеюсь, не откажетесь?

Чай был настоящий, прямо-таки «буржуйский»: крупнолистный, с божественным ароматом и нежным терпким вкусом. В последние годы Павел больше довольствовался морковным. Он уже даже не помнил, когда ему доводилось пить настоящий чай.

Герсон за чаем подробно рассказал о недавних событиях в Польше, о которых Кольцов знал лишь понаслышке. Когда Красная армия, преследуя противника, вступила в Польшу, польские революционеры, движимые идеей создать в своей стране государственное устройство, подобное Республике Советов, образовали временный революционный комитет (Польревком). Для руководства партийной работой на территории Польши, туда по просьбе поляков и был направлен Феликс Дзержинский.

Но случилось непредвиденное. При помощи Антанты польская буржуазия сумела создать значительный перевес своих сил и разгромила Красную армию. Белостоку, где находился штаб Польревкома, грозило окружение, и Дзержинский с соратниками перебазировался в Минск. Там они начали переговоры с польским правительством о прекращении войны.

Из Минска Дзержинский вернулся в Москву. ЦК РКП(б) принял решение вновь вернуть Дзержинского на работу в ВЧК. Но в связи с ухудшением здоровья, ему предоставили отпуск для лечения и рекомендовали поехать в санаторий. Но он Москву не покинул, лечился дома и почти каждый день появлялся в своем кабинете на Лубянке. И никогда не докладывал, когда он придет, и придет ли в этот день вообще.

Бои с польскими войсками продолжались. Переговоры с Польшей о мире переместились в Ригу. Но Дзержинский в них уже не участвовал.

Кольцов понял, Феликсу Эдмундовичу сейчас не до него. Поблагодарив Герсона за чай, он отправился на встречу с руководителем Красного Креста Вениамином Михайловичем Свердловым.

Второй Дом Советов, в котором размещался «Советский Красный Крест» находился неподалеку от ВЧК, буквально в пяти минутах ходьбы. От Лубянской площади Павел неторопливо спустился с пригорка вниз, к гостинице «Метрополь», в которой среди множества госучреждений размещался и Красный Крест.

Здание привлекало взгляд своей красотой и ухоженностью. Его словно отмыли частые осенние дождики. И искалеченная осколками и пулями майоликовая врубелевская «Принцесса Греза» над гостиничным фронтоном уже залечила свои раны. Это была еще одна примета того, что война истаивала. И люди стали все больше думать не только о ближайшем, но и отдаленном будущем. «Не в этом ли причина его приглашения к Свердлову? – подумал Кольцов. – Скажут: война кончается, и давай-ка ты, Павел Андреевич, осваивай новую для себя должность. Хозяйственную. И предложат, к примеру, возглавить «Главаптеку» или нечто подобное.

Время двигалось к восьми часам, и к роскошной двери «Метрополя» с двух противоположных сторон тонкой прерывистой цепочкой тянулись служащие. У двери эта цепочка сжималась, превращаясь в тесную очередь.

Кольцов не торопился. Он какое-то время стоял неподалеку от двери на тротуаре, и служивый люд обтекал его, как вода обтекает камень.

Прошло немного времени, и вход стал свободным.

«Советский Красный Крест» находился на третьем этаже. Лифт не работал уже несколько лет по причине неисправности, и находчивые служащие нашли кабине оригинальное применение: они приспособили ее под складское помещение. Она доверху была завалена какими-то ящиками, набитыми всякими бумагами, корзинами и связками книг. А на самой горе всего этого хлама неким символом былой роскоши высилась пустая клетка для попугая. На двери кабины висел тяжелый амбарный замок.

Поднимаясь на третий этаж, Павел стал невольным свидетелем приватной жизни Второго Дома Советов. Он понял, что цепочка торопящихся утром в «Метрополь» людей – это, так сказать, приходящие работники. Руководство же со своими домочадцами и прислугой постоянно проживало здесь.

Апартаменты, выходящие дверями к лестнице, занимали различные важные государственные учреждения. Здесь деловито сновали озабоченные чиновники с папками в руках, неслышно порхали по оставшимся от прежних благополучных времен коврам барышни, овладевшие входящими в моду пишущими машинками и секретарши.

А подальше от посторонних глаз и ушей, в коридорах, ведущих в номера проще и дешевле, шипели примусы и чадили керосинки, дробно звенели крышками вскипающие чайники и сипло посапывали самовары, скворчала на сковородах вымоченная вобла и картофельные draniki, переругивались домработницы и носились непоседливые крикливые ребятишки. И над всем этим висел тошнотворный запах продовольственной бедности.

Москва, только недавно ставшая российской столицей, была при всем при том нищей, поскольку ее окружали такие же нищие города и села. Все то, что было прежде в них выращено, едва ли не на корню скупили и выменяли вездесущие спекулянты, и куда это потом делось – неизвестно. Оставалась надежда только на новый урожай. Но до него, как минимум, надо еще полгода как-то прожить. Да и каким он выдаться, этого ни одна гадалка не могла предсказать.

Председатель Красного Креста Вениамин Михайлович Свердлов, тощенький, суетливый, с глубокими залысинами на курчавой голове (младшенький в семье Свердловых) уже ждал Кольцова. Герсон, видимо, его предупредил.

Свердлов встретил Кольцова у двери, бережно подхватил его под локоть и повел через сумеречную прихожую в свой кабинет. Основное место здесь занимал канцелярский стол, размерами с бильярдный. Рядом стояли такие же громоздкие кожаные кресла.

– Рад! Очень рад вас видеть! Вчера приехали? Сегодня? Отдохнули с дороги? – сыпал словами Вениамин Михайлович, вовсе не ожидая ответа. – Мне о вас как-то рассказывал Феликс Эдмундович. И я сразу понял: вы – тот человек, который нам нужен! Да-да!.. Вот, присаживайтесь!

Он бережно усадил Кольцова в кресло, сам же обогнул стол и занял свое начальственное место. Кресло, в котором сидел Кольцов, было крайне неудобным. Такие кресла, вероятно, предназначались для респектабельных курительных комнат. Оно было очень глубокое и мягко облегало тело. Взгляд Кольцова упирался в столешницу и в роскошный нефритовый чернильный прибор, украшенный бронзовыми вензелями «Метрополя».

Вениамин Михайлович в своем, специально изготовленном под его небольшой рост, кресле возвышался над Кольцовым. И Кольцова это очень раздражало.

– Зачем же я вам понадобился? – не очень дружелюбно спросил Кольцов. – Какие такие мои качества вам так приглянулись?

– Именно. Качества! – радостно произнес Вениамин Михайлович, словно давно искал и все никак не мог найти это слово. – Находчивость, смелость, хладнокровие – разве не благодаря этим качествам вы сумели победить в поединке с Ковалевским и Щукиным?

– Не знаю, никогда не думал об этом, – Кольцову все больше не нравился этот пафосный стиль беседы. – Если честно, так сложились обстоятельства. Цепочка различных ситуаций. И я их интуитивно расшифровывал по мере, так сказать, поступления, и случайно попадал на наиболее выгодные для меня варианты. Иными словами, мне просто везло. А могло и не повезти.

– Вот! К тому же, еще и скромность! – вновь радостно сказал Свердлов, и нравоучительно пожурил: – Зачем же вы так уничижительно? Это, несомненно, героизм. А один, два, пять раз скажете, что это слепое везение, и все поверят. И скоро забудут и о вас и обо всем, вами свершенном.

– Я обдумаю ваш совет, – с легкой иронией сказал Павел, и раздраженно добавил: – Полагаю, вы пригласили меня вовсе не для того, чтобы выказать мне свой восторг по поводу моих подвигов?

Свердлов почувствовал, что переборщил с елеем и поэтому стер с лица излишнее дружелюбие и плавно перешел на официальный тон, но вместе с тем сохраняя в голосе и некое расположение.

– Я пригласил вас, чтобы предложить поучаствовать в одном не очень легком, но крайне важном для нас деле.

– Для Красного Креста?

– Для нашей республики. Я уверен: вам это дело по плечу.

Свердлов надолго замолчал, как бы давая Кольцову время осознать всю важность этого предложения. Он верил в то, что Кольцов не сможет отказаться от него.

Кольцов не нарушал затянувшуюся паузу. Поворочавшись в кресле, он приподнялся, хотел лучше видеть лицо Свердлова, когда тот наконец конкретно заговорит о деле. Но эта маячившая перед глазами чертова чернильница отвлекала его, не давала сосредоточиться на предстоящем и, судя по всему, довольно серьезном разговоре. И тогда он решительно поднялся с этого обволакивающего тело сиденья и присел на его подлокотник. Теперь их глаза были на одном уровне.

– Вы позволите, – сказал Кольцов. Не спросил разрешения, а именно сказал, твердо и упрямо.

Свердлов вновь обежал вокруг стола.

– Да-да! Не совсем уютно, – по-своему понял Свердлов и повел Кольцова в угол кабинета. – Вот сюда. Здесь нам будет удобнее разговаривать. Тем более что разговор предстоит длинный.

На круглом инкрустированном столике между двумя креслами стояла пепельница, возле нее – красивая деревянная коробка.

– Курите? Угощайтесь! – Свердлов указал глазами на коробку. – Восхитительные гаванские сигары. Привез из Америки. Держу для друзей.

– Не курю. И потом, как я понимаю, мы пока еще не успели стать друзьями, – не преминул связвить Кольцов. Ему уже определено перестал нравиться этот нижегородский пролетарий, довольно быстро переродившийся в барина. Недолго пожил в Америке – и такая метаморфоза. Его брат Яков был проще и понятнее.

– Вот именно: «не успели»! Надеюсь, подружимся. Дело, которое я вам предлагаю, обяжет нас к этому.

– Я пока еще ни слова не услышал о деле, – положил конец затянувшемуся политесу Кольцов.

– Да! Так вот... – Свердлов замылся, обдумывая, с чего начать, как доходчиво объяснить то дело, которое он предполагал предложить Кольцову. – Надеюсь, вы уже слышали такое выражение: «бриллиантовая дипломатия»?

– Первый раз слышу, – чистосердечно признался Кольцов. – У нас там, в окопах, речь все больше ведут о патронах, снарядах, калибрах.

– Понимаю, – согласился Свердлов. – А у нас здесь все больше говорят о том, как бы быстрее и достойнее завершить эту самую войну, на которой главным образом говорят о патронах и снарядах. Поговорим о «Бриллиантовой дипломатии». Надеюсь, вы понимаете, что деньги в нашем мире – реальная и могучая сила. В первые месяцы войны мы тратили огромные деньги на мировую революцию. Верили, что сумеем поднять на борьбу за коммунизм рабочих и крестьян всего земного шара. К сожалению, пока это не получилось. Приходится менять тактику. Сделаем все для того, чтобы сохранить пока единственное коммунистическое государство – Советскую Россию. А уж потом, не торопясь, собравшись с силами, заготовим дровишек и запалим коммунистическими идеями весь земной шар.

– «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»? – улыбнулся Кольцов. – Стало быть, пока что «мировой пожар» отменяется?

– Пока. Временно. Так вот о «Бриллиантовой дипломатии». Бриллианты – это деньги. Благодаря бриллиантам, превращенным в деньги, Англия проявляет все большую лояльность к нашей республике. Она заметно уменьшила поставки вооружения белой армии. Многие газеты социал-демократического толка посвящают целые полосы с требованием положить конец войне с Советской Россией. Английское правительство пребывает в нерешительности. Дождем!

– Взятками? – прямолинейно и не по-доброму спросил Кольцов.

Свердлов ответил не сразу.

– Франция пока все еще безусловно поддерживает Врангеля. А это – продолжающаяся война. Это гибель новых тысяч и тысяч здоровых, трудоспособных людей. Так стоит ли жалеть деньги ради спасения людей, ради мира? Если вам так нравится, называйте это взятками. Мы называем интеллигентнее: «бриллиантовая дипломатия». В этой кровавой схватке с капитализмом мы решительно отказываемся от чистоплюйства. Не мои слова. Ленина. Да, мы везем в Англию, Францию бриллианты, которые не нужны и бесполезны нашим рабочим и крестьянам. Там с помощью преданных нам людей превращаем их в деньги. За деньги покупаем высокопоставленных чиновников, чтобы они оказывали нужное нам влияние на свое правительство. Если хотите, мы пытаемся купить перемирие, мир. Это ведь тоже – товар, умозрительный, условный, но товар. И как всякий товар, он стоит денег. Можно было бы вывозить золото, его

у нас очень много. Но, не в пример бриллиантам, оно имеет большой объем и вес. А всякий тяжелый и громоздкий товар привлекает внимание таможенных служб, что нас совершенно не устраивает.

Кольцов с интересом слушал пространную речь Вениамина Михайловича, и теперь он ему стал все больше напоминать брата Якова. Та же убежденность, энергия, напор. И слова его показались Кольцову разумными, и логика безупречная. Все так. И все же его ни на минуту не покидала одна-единственная мысль: «А при чем тут я?». Он так и сказал Свердлову:

– Все, что вы сейчас рассказали, крайне интересно. Но какое отношение имеет все это ко мне?

Вениамин Михайлович словно не услышал вопрос. Он продолжил:

– Переправляя бриллианты за границы Советской России, мы каждый раз очень рискуем. И уже не один раз теряли деньги. Очень большие деньги. Случалось, перевозимые курьерами бриллианты обнаруживали таможенники и, естественно, они уходили в доход чужого, враждебного нам государства. Дважды наших курьеров обворовывали...

Прошелестела портьера, и из внутренних покоев в кабинет впорхнуло (именно, впорхнуло) почти бесплотное изящное создание.

– Боже, какая у вас здесь тоска! Сидят двое милых мужчин и ведут долгую беседу, как я догадываюсь, о каких-то скучных политических материях, – проворковало создание. – Я могу хоть немного отвлечь вас от беседы? Ну, хотя бы чашкой чая?

Кольцов при появлении в кабинете этой воздушной, в развевающихся тонких одеждах, феи вскочил.

Поднялся и Вениамин Михайлович.

– Моя жена... Верочка Делевская, – представил супругу Свердлов, и с гордостью добавил. – Ведущая актриса Художественного театра.

Кольцов не без труда вспомнил правила этикета, которые наравне с военными дисциплинами преподавали в офицерском училище и которые однажды ему оченьгодились – в штабе у генерала Ковалевского. Он слегка прищелкнул каблуками и учтиво склонил голову:

– Очень приятно!

Верочка пристально взглянула на Кольцова и чуть-чуть дольше, чем это принято, задержала на нем свой взгляд. Ровно настолько, чтобы Кольцов почувствовал ее интерес к себе.

– Ты чудо, какая умница, – похвалил жену Вениамин Михайлович. – Это именно то, что нам сейчас надо: по чашке крепкозаваренного горячего чая.

И тотчас же, словно она только и ждала сигнала, молоденькая горничная бесшумно вошла в кабинет, внесла поднос с дымящимся черным чаем в больших «семейных» чашках. Рядом с чашками поставила серебряную сахарницу, хрустальную вазочку с бисквитом, и так же бесшумно удалилась.

– Верочка, ты, пожалуй, тоже оставь нас. Разговор не для нежных женских ушей.

– Я понимаю, – кивнула вышколенная Верочка и, еще раз пристально взглянув на Кольцова, не очень охотно, уже не выпорхнула, а медленно, лениво, всем своим видом показывая нежелание и обиду, вышла из кабинета.

Кольцов восхитился этим коротким спектаклем, поставленным блестящим режиссером, каким оказался Вениамин Михайлович. Окончилась прелюдия в их разговоре, предстояло главное. И Свердлов, должно быть, решил, что короткая «артиллерийская подготовка» поспособствует сговорчивости собеседника.

– Ну-с, продолжим! – едва за Верочкой тонко пропела дверь, ведущая во внутренние покои, Свердлов перешел на деловой тон. – Вы спрашиваете, какое отношение имеет этот разговор к вам. Попытаюсь ответить. Я уже говорил вам: дважды наших курьеров обворовывали. Груз исчезал.

Кольцов и до разговора со Свердловым неоднократно слышал, что партийные чиновники зачастую распоряжались российскими музейными богатствами, а также реквизированными драгоценностями, найденными в покинутых богатыми людьми квартирах, для поддержки возникающего в разных странах коммунистического движения.

Рассказывали о финском гражданине Отто Куусинене. Тот российскими бриллиантами какое-то время поддерживал миссию финских коммунистов, оказавшихся в Англии без гроша в кармане.

Переправкой российских драгоценностей в Англию для нужд своей, симпатизирующей советской власти, газеты «Дейли гералд» занимался директор этой газеты Френсис Мейнелл. Он был опытным курьером, а если сказать точнее, опытным контрабандистом. Две нитки драгоценного жемчуга он перевез через все таможи в банках с голландским маслом.

И уж совсем комичный случай. Мейнелл рискнул отправить из России в Англию посылку с шоколадными конфетами, начиненными бриллиантами. Заподозрив Мейнелла в контрабанде, Скотленд-Ярд задержал его на границе для обыска. И ничего при нем не нашли. А спустя несколько дней Мейнелл получил на почте в Лондоне свою посылку, и затем долго вместе с женой обсасывал конфеты, освобождая бриллианты от шоколада.

– Особенно прискорбен последний случай, – продолжил между тем Свердлов, – мы рискнули огромными деньгами. Я имею в виду эквивалент деньгам – бриллианты. Не далее как три дня назад получили шифровку от нашего человека: курьеры прибыли в Париж, и их тут же обворовали. Одного саквояжа не жалко, там среди всяческой дребедени находилась какая-то мелочь во франках. А вот второй саквояж скрывал целое состояние, с помощью которого мы надеялись если не разрушить союз Франции с Врангелем, то хотя бы ослабить давление лягушатников на Польшу, которая все еще колеблется и не подписывает мирный договор. Содержимого этого саквояжа было бы вполне достаточно, чтобы снять с польского театра военных действий большую часть наших войск и успешно завершить войну на юге России. Помощь Англии истончается. Врангель в основном держится на помощи Франции. Не мне вам рассказывать, вы ведь совсем недавно вышли из боев, – Вениамин Михайлович впервые за все время этой тирады вопросительно взглянул на Кольцова. – Скажите, Павел Андреевич, у вас такое же ощущение, как и у нас здесь, в тылу?

– Мои суждения на уровне полка. Бои все еще ожесточенные. Командиры дивизий, возможно, ощущают ослабление натиска противника. Мы, полевые, – нет, – откровенно и жестко ответил Кольцов. – Вам отсюда должны быть виднее масштабы войны. Информация со всех фронтов стекается к вам. А я знаю только то, что сам вижу или что доложит ротный.

– Я понимаю, – согласился Свердлов. – И все же... ощущения?

– Ощущения?.. Слишком уж долго тянется эта война. Для меня она началась в четырнадцатом. Хочется отдохнуть. Такое вот ощущение. И не у меня одного.

– Очень понимаю, – еще раз повторил Свердлов. – Но и другая сторона. Она ведь тоже...

– Знаете что, Вениамин Михайлович: не ходите кругами. Я догадываюсь, что пригласили вы меня вовсе не затем, чтобы познакомить со своей милейшей супругой, почаявничать, праздно побеседовать о состоянии дел на фронтах, – вдруг обозлился Кольцов и ринулся напролом. – Пригласили по делу – так выкладывайте дело. Извините за тон.

– А вы ершистый. Люблю таких, – мягко сказал Свердлов и обезоруживающе улыбнулся. – Выкладываю дело. Если бы французы обнаружили припрятанное содержимое второго саквояжа, мы бы уже получили сведения. Такое богатство всколыхнуло бы Париж. Его трудно было бы скрыть. Проговорились бы чиновники. Наконец, до чего-то докопалась бы вездесущая пресса. У нас там есть свои люди, они тоже уже что-то бы прознали. Но – нет. Тишина. Почему? Скорее всего, те или тот, кто похитил саквояжи, еще ничего не обнаружил. Бриллианты действительно остроумно запрятаны. Но со временем кто-то как-то их обязательно обнаружит. Задача – опередить похитителей. Поэтому мы и решили обратиться к вам. Уверены, вы

– тот человек, который может совершить невозможное, – под конец своего монолога польстил Свердлов Кольцову.

Все это время, пока они беседовали, Кольцов прикидывал в уме, что это может быть за предложение. И ничего путного не мог придумать. Ни-че-го! А уж такое! Оно могло родиться только в голове человека, начитавшегося легкомысленной бредятины о подвигах лихих сыщиков. Во всяком случае, это не был совет Дзержинского, в этом Кольцов был твердо убежден. Он, конечно, мог рассказать Свердлову, привычно приукрашивая и добавляя свой буйный вымысел, о пребывании Кольцова в ставке у Ковалевского. Дзержинский любил Кольцова и гордился этой необычной, во многом симпровизированной самим Кольцовым, операцией ВЧК. Ни о чем подобном Дзержинский никогда не читал. Он даже как-то сказал Павлу: «Вот окончится война, нас сменят молодые, мы окажемся не у дел, и тогда... тогда вы возьметесь за перо и напишете, не стесняя свою фантазию, об этой вашей схватке с Ковалевским и Щукиным. Поверьте, презабавная может получиться книжица, вполне в духе Мордовцева или Валишевского». Сам же Кольцов, если и вспоминал об этой странице своей жизни, то только как вполне будничной, приземленной, очень опасной, но уж никак не героической.

Нет-нет, это предложение Свердлова явно не для него! Как это будет выглядеть: он, едва говорящий по-французски, ходит по Парижу и расспрашивает, не видел ли, не знает ли кто похитителей двух саквояжей? Бред какой-то! Авантюра! Чтобы ввязываться в это дело, надо быть последним дураком!

– И как вы все это представляете? Ну, поиски этих саквояжей? – спросил Кольцов. – Вот вы говорите, что у вас в Париже есть свои люди. Им-то это дело и поручите. Во всяком случае, прежде всего надо узнать, как обокрали курьеров? И кто?

– Вот! Вы очень хорошо логически мыслите: как и кто? Даже еще конкретнее: кто? Из этого может всплыть и второе: как? От курьеров товарищи в Париже не могут добиться ничего внятного. По какой-то причине их своевременно не встретили. Каким-то образом они оказались в бистро. А там то ли засада, то ли случайное ограбление: какая-то кутерьма, выстрелы, полиция. Словом, ничего не понятно. Факт лишь, что оба саквояжа исчезли. Или хорошо хоть курьеры сумели своевременно скрыться.

– Ну и курьеры у вас! – хмыкнул Кольцов. – Скрыться сумели, а сберечь саквояжи – не хватило ума. Или силы? Или ловкости?

– Трудно судить, ничего не зная обо всех обстоятельствах. Видите ли, тут своеобразные ножницы. Послать молодых, сильных, ловких, они обязательно вызовут подозрение у таможенной службы.

– Я-то уж наверняка вызову у них подозрение.

– Но при вас не будет ничего, представляющего для таможи интерес.

– Меня может подстергать другая опасность. Там, в Париже, я могу совершенно случайно встретиться с кем-то из моих бывших сослуживцев. Через штаб Ковалевского прошло море людей. А я все-таки был старшим адъютантом. Со многими общался, многим запомнился. Кроме того, был трибунал. Пресса посвятила не одну газетную статью «красному разведчику» Кольцову.

– Эта опасность крайне ничтожная. Ваши бывшие сослуживцы пока еще воюют. Либо погибли. Париж наводнили не годные к воинской службе, их жены и дети.

– А искалеченные? А раненые? – добавил Кольцов.

– Риск, конечно, есть. Ничтожный, но и его, несомненно, следует учитывать, – согласился Свердлов. – В конце концов, вы – дворянин, сын уездного предводителя дворянства. Разве вы не могли пересмотреть свои взгляды? Молод. Поверил в миф о всеобщем равенстве. Ошибался, – блеснул Свердлов знанием мало кому известной «легенды» в биографии Кольцова.

– Допустим, – Кольцов какое-то время молчал, и затем выложил перед Свердловым еще одно «против». – Предположим, я согласился. Но против нас работает время. А на то, чтобы

сейчас кружными путями добраться до Парижа, уйдет недели две. И, как говорили у нас в Севастополе, я приеду «в свинячий голос».

– И это мы учли. Поедете с Миссией Союза потребительских обществ, которая вполне легально отправляется в Париж для переговоров о снятии с Советской России экономической блокады. Формально она снята еще в начале года на Парижской мирной конференции. Фактически же – все осталось по-прежнему. Разрешение на посещение нашей Миссией Парижа уже получено. К тому же делегаты находятся под патронатом крупного норвежского ученого Фритьофа Нансена, который оттуда, из Парижа, оказывает нам посильную помощь.

– Я слышал о «Плане Нансена». Но, как мне известно, на парижской конференции этот план с треском провалился.

– К сожалению. Но мы продолжаем работать. Как вы, вероятно, знаете: тем, кто стучится, рано или поздно открывают дверь. Впрочем, о Миссии я упомянул лишь в связи с возможностью вашей быстрой и легальной поездки в Париж. Всего-то!

– Я так понимаю, быстрая – это через Польшу. Но Польша пока находится с нами в состоянии войны, Каким же еще путем можно быстро попасть в Париж?

– Война с Польшей, фактически, вялотекущая. Пилсудский то приостанавливает военные действия, то снова их начинает. Польша обескровлена, она – за прекращение войны. Но ее подталкивает к продолжению конфронтации Франция, у которой в России свои интересы. И все же, я думаю, в ближайшее время нами с Польшей будет подписан мирный договор. А пока... пока мы с поляками уже кое о чем потихоньку договариваемся. По крайней мере, они иногда разрешают переправлять через их территорию наших людей во Францию и Германию. Так что эта проблема уже вполне решаема.

– Нет! – решительно покачал головой Кольцов. – Гнилая это затея, и ввязываться в нее я не хочу. Репутация не позволяет. И убеждения.

– О чем вы? – воскликнул Свердлов.

– Обворовываем свою же страну ради взяток каким-то иноземцам, – жестко пояснил Кольцов.

– Не согласен с вами! – возразил Вениамин Михайлович. – Бриллианты – дело наживное. И если с их помощью остановим эту кровопролитную бойню, если сумеем сохранить тысячи и тысячи жизней – разве это не благородная цель?

– Я и говорю: у этой благородной цели очень уж неблагородные средства.

– Ради достижения мира в войне все средства хороши.

– Это вы сказали. Я думаю иначе. И потом, у меня много дел там, где я сейчас нужнее, – он решительно встал. – Был рад познакомиться с вами и вашей очаровательной супругой. Но от вашего предложения я решительно отказываюсь еще и вот по какой, довольно веской, на мой взгляд, причине. Ничему тому, что мне понадобилось бы при поиске этих саквояжей, я не обучен.

Свердлов тоже встал, подумал о том, что надо будет упредить Кольцова и, едва только он уйдет, тут же позвонить Менжинскому. Это он, а вовсе не Дзержинский, подал Свердлову идею отправить Кольцова в Париж. Вот пусть он и уговорит, уприсит, умолит этого несговорчивого упряма. В конце концов, пусть просто прикажет ему. У них в ВЧК приказы, как ему известно, исполняются беспрекословно.

– Очень жаль, что я не смог вас уговорить. Попрошу Особый отдел ВЧК, чтобы вам приказали. Вы ведь их сотрудник? – с вежливой улыбкой пригрозил Кольцову Свердлов. – Как видите, я не теряю надежду на нашу скорую и более доброжелательную встречу, – и, сменив тон, он вроде даже как пожаловался Кольцову: – Поймите, стал бы я так настаивать, если бы не безвыходное положение. Легальных людей у нас в Париже очень мало, и все они задействованы на разных важных участках. Да и небезопасно их переключать на иную работу. Практически, это провал. А они нам сейчас ох как там нужны. Курьеры же, как вы понимаете, сами ничего

не сделают, они нелегалы. Их кратковременные разрешения на въезд во Францию уже просрочены. К тому же, как я понял, они мало что могут.

– Меня трудно разжалобить. Я уже все твердо решил, – сухо сказал Кольцов.

– Один – матрос, – еще на что-то надеясь, продолжал жаловаться Свердлов, – этот в атаку пойдет в полный рост, не пригнется. Сорвиголова. Но размышлять, анализировать и предпринимать какие-то действия он не способен. Второй – очень порядочный человек, профессор какого-то провинциального университета, владеет французским, кажется историк или археолог. Светлейшая голова. Но немощен. Вид у него такой, знаете, академический. Потому и послали. Я мыслил: если вас уговорю, он был бы при вас. Глядишь, вдвоем до чего-то бы и додумались, пока дело не ушло в давность. И морячок, как помощник, вам бы тоже пригодился.

Что-то Кольцова царапнуло за душу в этом рассказе. Он даже не сразу смог понять, что? И еще раз попытался объяснить Свердлову всю бессмысленность этой операции. Он был уверен, что она изначально обречена.

– Не будьте наивным. Саквояжи, конечно, вскрыли. Думаю, что эту операцию провернула Сюртэ, французская тайная полиция.

– Почему же, в таком случае, никакие сведения об этом до сих пор так и не дошли до нас? Никакие!

– Потому, что саквояж – хорошая «наживка», – спокойно ответил Кольцов. – У них там тоже есть умные люди, и они понимают, что мы попытаемся выяснить судьбу этих саквояжей. А я не хочу быть рыбкой, я всю жизнь занимался ее ловлей.

– Нет, не согласен. Все не так просто. Отсутствие сведений может означать только одно: бриллианты не найдены. Скорее всего, так.

– Двойное дно? – Кольцов иронически взглянул на Свердлова. – Эх, господа-товарищи, начитались вы всякого...

– Нет-нет! Бриллианты спрятаны очень надежно и очень остроумно. Изобретение одного нашего шорника. Успешно прошло не одно испытание.

– Ну и что это за новшество? Не представляю, куда еще в саквояже можно что-то спрятать, кроме двойного дна?

– В кожаные ранты. Эдакие тонкие колбаски вокруг дна и крышки одного из саквояжей, которые начинили бриллиантами. Именно этот саквояж марки «Буже» вез профессор. Мы полагаем, он не мог привлечь к себе внимание французской полиции. И заметьте, все случилось вовсе не на таможне.

– И кто же этот профессор? Ну, курьер? – совсем уж неожиданно даже для самого себя спросил Кольцов. В его голове все настойчивее звучали слова Свердлова «провинциальный профессор», «археолог». Да мало ли их по всей России, профессоров и археологов? И все же Павлу почему-то захотелось узнать фамилию этого профессора. Чтобы убедиться, что в жизни не так часто случаются невероятные совпадения. – Откуда он?

– Милый такой человек. Большевик. Разве вам этого мало? – тусклым голосом произнес Свердлов. – Владеет французским, мог бы послужить вам переводчиком.

– Фамилия! Меня интересует фамилия!

– Сейчас. Пожалуйста. Где-то здесь... – Свердлов стал перебирать на столе какие-то бумаги. – Русская фамилия. И имя. Платон, что ли, – бормотал он.

– Иван Платонович? – почти выкрикнул Кольцов. – Старцев?

– Похоже, – все еще продолжая перебирать бумаги, отозвался Свердлов.

– Служащий Гохрана! – уже не спросил, а утвердительно произнес Кольцов.

Свердлов наконец нашел искомый листок, удивленно обернулся к Кольцову:

– Вы правы! Старцев! Иван Платонович Старцев! – прочитал он. – Да-да, сотрудник Гохрана. Вы его знаете? Вы знакомы?

Вместо ответа Кольцов протянул Свердлову руку, чем поверг его в изумление.

- Договорились! Я согласен! Хотя и понимаю, что это полнейшая авантюра!
- Странно как-то. Хоть объясните... – растерялся Свердлов. – Но я рад. Да. Только, пожалуйста, не передумайте!
- Нет-нет! Договорились! Твердо!
- Теперь я могу вам признаться, – с облегчением вздохнул Вениамин Михайлович. – Меня предупреждали, что вы вряд ли согласитесь. Но кто-то в ВЧК, действительно, сказал: «Вот если бы туда согласился поехать Кольцов, был бы хоть небольшой шанс на успех».
- Я еду!
- В таком случае нам остается только заняться сборами.

Глава вторая

До отъезда Миссии в Париж оставалось полтора дня. За это время предстояло выполнить бесконечное количество дел.

Все хозяйственные службы ВЧК в эти полтора дня в основном работали на Кольцова. Перво-наперво его надо было переодеть в гражданское. В спецателье сшили несколько модных костюмов и легкое осеннее плащ-пальто.

Ведал ателье бывший лучший киевский портной Бенья Разумович, который до недавнего времени имел в украинской столице свое небольшое портновское дело и даже шил костюмы самому председателю Всеукраинской ЧК Мартину Яновичу Лацису. Когда его ателье в Киеве ликвидировали, Бенья недолго оставался без дела. Лациса перевели в Москву, а следом сюда переехал и Бенья, и уже под него создали спецателье для чекистов.

И вот теперь Бенья лично шил костюмы для Кольцова.

– Париж, товарищ Кольцов, это надо понимать, не какая-то там Хацапетовка, – сказал Бенья Кольцову во время последней примерки в час ночи. – И товарищ полномочный комиссар не может появиться на Пляс Пигаль или на бульваре Капуцинов, одетый как одесский биндюжник.

– Вы знаете Париж?

– Х-ха! Знаю ли я Париж? Я даже знаю главного раввина парижской синагоги Зяму Разумовича. Скажу вам по секрету, это двоюродный брат моего папы. Так и это еще не все. Два моих брата Натан и Исаак стали там капиталистами. Один, кажется, даже стал пуговичным королем. Он имеет небольшую фабричку и, можете себе вообразить, снабжает пуговицами чуть ли не полмира. Второй – тоже какой-то задрипанный капиталист. У них там, знаете, все капиталисты. Вы будете очень смеяться, он владеет всего лишь прачечной, обыкновенной прачечной. Но вы бы видели дом на Елисейских Полях, в котором он живет. Шоб мы все так жили, товарищ Кольцов, как он живет, – и, наклонившись к самому его уху, оглянувшись по сторонам, тихо добавил: – В случае, если вы там, в Париже, малость поиздержитесь, зайдите к Исааку, и скажите, что вы от Бени. Больше вам ничего не придется говорить.

Бенья также позаботился для Кольцова о модных сорочках, галстуках, запонках и носовых платках.

В шорной мастерской, в той самой, в которой полутора неделями раньше сапожники шили кожаные чемоданы для Бушкина и Старцева, теперь подбирали и подгоняли под костюмы подходящую обувь.

В секретных службах Кольцову подготовили нужные документы. Это было просто: ему выдали старый, уже вышедший из обихода в Советской России паспорт царских времен, но который пока еще признавался всеми государствами мира.

Затем его внесли в список отъезжающих во Францию членов Миссии. В нем он значился как инженер-консультант. Этот документ с соответствующими отметками нансеновской комиссии был равнозначен визам и открывал членам Миссии польскую, германскую и французскую границы.

В назначенное время члены Миссии собрались на вокзале и лишь здесь познакомились со своим руководителем – заместителем наркома внешней торговли Советской России Александром Дмитриевичем Тихоновым. Выходец из известного в Таврии еще со времен Екатерины Второй небольшого городка Херсона, сын крестьянина и сам крестьянин, он с юных лет стал профессиональным революционером. Невысокий, крепко сбитый, седовласый, неторопливый в движениях, он с каждым из своих подопечных поздоровался за руку, каждому нашел пару добрых слов, чем уже с первых минут вселил в членов Миссии симпатию и доверие.

Тихонов прежде уже посещал Париж, познакомился с Нансеном в те самые дни, когда норвежский ученый готовил письмо-обращение к членам «Совета четырех» Парижской мирной конференции. В нем Нансен настаивал на продовольственной и медицинской помощи мирному населению России и даже предлагал свой план. Лидеры Антанты тогда не поддержали Нансена. Но «План Нансена» как некая международная гуманитарная организация пока продолжал существовать и, несмотря ни на какие политические ветры, оказывал Советской России посильную помощь.

Провожал членов Миссии нарком Внешторга Леонид Борисович Красин, один из авторов «бриллиантовой дипломатии». На последних совещаниях СНК он сам себя подверг критике: увлекшись «бриллиантовой дипломатией», мало внимания уделял иным возможностям воздействия на правительства Антанты, таким, к примеру, как народная дипломатия, пресса. Под угрозой надвигающегося на Россию голода, по совету Красина и было принято решение направить в Париж не совсем обычную, народную делегацию для переговоров о возобновлении торговли. Красин полагал, что обычные крестьяне, представляющие срез беднейшего российский населения, сумеют скорее достучаться до сердец лидеров Франции, вызовут сочувствие и помогут сдвинуть с мертвой точки проваленный прежде план Нансена.

Красина на том совещании СНК поддержал легендарный Яков Фюрстенберг-Ганецкий, прославившийся тем, что устроил проезд Ленина через воюющую с Россией Германию и славившийся авторитетным специалистом в международных делах. Он горячо доказывал, что народная миссия – это и есть та самая спасительная веревочка, потянув за которую можно достигнуть замечательных результатов, а возможно, и полного замирения с Францией, народ которой, по уверению Ганецкого, спит и видит завершение этой бойни.

– Пусть народ Советской России с глазу на глаз поговорит с народом Франции. И я хочу посмотреть на правительство Франции, что оно ответит на справедливое требование народов! – патетически выкрикнул Ганецкий, завершая свое выступление на СНК и даже сорвав аплодисменты, на которые комиссары обычно бывают скупы.

Ганецкий предлагал в руководители делегации свою кандидатуру, но его никто не поддержал из-за известного авантюризма и легкомыслия. Красин предложил своего заместителя Тихонова, человека обстоятельного и здравомыслящего: такой не наломает дров.

Красина поддержал Ленин. У него была для этого еще одна причина. Не ожидая окончания Гражданской войны, Советская Россия приступала к строительству Каширской ГЭС и тем самым как бы сигнализировала всему миру: сомнений в победе нет. Начальником строительства был назначен младший брат наркома продовольствия Цюрупы Георгий, который, как известно, был земляком Тихонова. К тому же они были связаны родством: женаты на родных сестрах. Инженер-электрик по специальности, Георгий Цюрупа до недавнего времени успешно работал в Питере на заводах Сименса-Шуккерта.

Начиналось строительство «Каширки» поистине на голом энтузиазме. Кроме кирпича, который имелся в наличии, нужны были еще турбины Женвеля по пятьсот лошадиных сил каждая, нужны также трубы, насосы, силовой провод, изоляторы и еще много чего. Список только того, что требовалось в первую очередь, содержал более сотни наименований. Георгия Цюрупу, который блестяще владел немецким, часто бывал в Германии и имел в друзьях большое количество влиятельных людей, включили в состав Миссии с тем, чтобы он сошел с поезда в Берлине и по возможности предварительно договорился с крупными немецкими предпринимателями о поставках всего необходимого для Каширской ГЭС.

Появившийся на вокзале Красин не подошел к членам Миссии, а подождал, когда на него обратит внимание Александр Дмитриевич Тихонов. Они стали неторопливо ходить по перрону, что-то горячо обсуждая. Поднаторевший в международных делах Красин, видимо, давал необходимые советы своему заместителю, не столь опытному в общении с иностранцами.

А Кольцов присматривался к своим попутчикам, в основном людям немолодым, выбывшим из войны не по своему желанию, а вынужденно, из-за ранений и других различных болячек. По шрамам на обветренных лицах, по степенности и неторопливой крестьянской основательности Кольцов понял, что в прошлом это были трудяги-хлеборобы, а в недавние лихие времена вынужденно стали разудалыми кавалеристами и отчаянными рубаками. Двое-трое суток с такими попутчиками обещали не скучное времяпрепровождение.

Чуть в стороне от остальных переминался с ноги на ногу высокий кудрявый мужчина. Это и был начальник будущей Каширской ГЭС Георгий Цюрупа, попутчик Кольцова до Берлина.

Наконец маломощная «овечка» подтянула к перрону куций – в пять-шесть товарных вагонов – состав, к которому был прицеплен единственный порядком изношенный и ободраный, словно только недавно извлеченный со свалки, пассажирский вагон.

Тихонов попрощался с Красиным и направился к вагону.

– Прошу, товарищи! – пригласил он членов Миссии, и добавил. – Надеюсь, в Брест-Литовске нам заменят эту развалину.

Члены Миссии утиной цепочкой двинулись вслед за Тихоновым. Последним шел Кольцов.

Тихонов вглядывался в лица членов Миссии, запоминал. Павла задержал, протянул ему руку:

– Рад с вами познакомиться, товарищ Кольцов. Вениамин Михайлович Свердлов просил меня извиниться, что не смог вас проводить. Вызвали во ВЦИК.

– Понимаю.

– Передал, чтобы не беспокоились. В Париже вы не будете одиноки. Наши люди окажут вам всяческое содействие. Они уже предупреждены и встретят вас. Со своей стороны я тоже буду рад помочь вам в случае, если она вам понадобится в те несколько коротких дней, пока мы будем в Париже.

– Думаю, у вас там дел будет выше крыши. Постараюсь не обременять, – сказал Кольцов.

– Да уж хлебом-солью нас не встретят, это без сомнения.

Тяжело вздыхающий паровозик вдруг дал не по чину густой, басовитый и длинный гудок. Звякнули буфера и сцепки, и поезд тронулся. Тихонов пошел рядом с набирающим ход вагоном, ожидая, когда на ступени поднимется Кольцов, затем запрыгнул и сам, легко, как юноша, словно и не был отягощен грузом лет.

Медленно, словно нехотя, отставал от поезда вокзал с одиноко стоящей на пустынном перроне темнеющей фигуркой Красина.

Вдоль окон вагона потянулись неприглядные нищие городские окраины. Их сменили лесочки, перелески, одинокие будочки путевых обходчиков. Еще не успевшие сбросить осеннюю листву, небольшие колки выглядели нарядно, переливались золотистым и багряным цветом. Редкие хвойные деревья выглядели среди лиственных перелесков строго, как дипломаты на сельской ярмарке.

Вагон был практически пустой. Кроме двух проводников, вероятнее всего, сотрудников Чека, его занимала всего лишь Миссия, состоящая из семи человек и двух их попутчиков: Павла Кольцова и Георгия Цюрупы. Посторонних не было.

Поселились, как кому хотелось. Четверо крестьян, едва только разместились в купе, как тут же стали вынимать и раскладывать небогатую домашнюю снедь, в основном вареные яйца, овощи и хлеб. У одного нашелся тощенький кусочек сала, у другого – бутылка самогона. Миссия хоть и международная, а все ж состав российский, со всеми хорошими и плохими российскими традициями.

Пригласили к себе в купе всех остальных. Долго совещались, как подступиться к своему руководителю Тихонову. Как-никак, заместитель народного комиссара! Хоть и народного, а все же... Парламентаром послали его приятеля Георгия Цюрупу.

Александр Дмитриевич охотно откликнулся, пришел со своей закуской: с десятком крупных вобл, и тоже... с бутылочкой, но «казенки».

А за вагонными окнами сменялись убогие деревни с сияющими на солнце маковками церквушек и монастырей. Кое-где тощие лошади уныло распахивали под озимь крошечные наделы. Люди заботились о завтрашнем дне.

И в вагоне беседовали о том же. Пахать землю нечем, лошади за время войны либо повывбиты в боях, либо пошли на прокорм красноармейцам. На пустой желудок не шибко повоюешь. В тылу тоже не лучше. Подступает голод, нормы хлеба повсеместно урезают. Оно бы и ничего, можно и перетерпеть, потуже затянуть пояса. Но ведь и земле нужно зерно. Без него она родит только лебеду. И удобрения нужны. А откуда они возьмутся, если скот почти вчистую пустили на продовольствие.

Надеялись мужики, что Тихонов скажет им что-нибудь обнадеживающее, утешительное. Все же замнаркома. Хоть и не по продовольствию, но со всеми другими наркомами за руку. Они тоже, небось, промеж себя разговоры ведут про то же самое: как Россия после войны с колен подниматься будет.

Но Тихонов даже после выпитой чарки был несловоохотлив. Да и чем обнадежишь, если ехали они к недругам на поклон, с протянутой рукой. Уж он-то, как никто другой, знал, что голод к стране подступает нешуточный.

Когда за окнами вагона земля со своими городками и хуторами растворилась в ночной темени, члены Миссии разошлись. Кольцов обосновался в соседнем купе, где только что вершилась трапеза. Сон не шел, он лежал, думал о чем-то своем. За тонкой перегородкой глухо звучали голоса его попутчиков. Они все еще никак не могли закончить вечерний разговор.

– Ничего, не пропадем! – горячился один из пожилых миссионеров. – Россия, она столько всего вытерпела, что и это перетрет. Только бы замириться.

– А что потом? Ну, после замирения?

– Известно что. Коммунизм.

Кольцов отвлекся от своих мыслей, стал вслушиваться в разговор попутчиков-крестьян.

– Так вдруг, как теща с печки? – прозвучал другой голос.

– Известное дело, не сразу. Малость погоды. Сперва, как товарищ Ленин говорил, произведем всех до общего состояния. Что б, значит, ни бедных, ни богатых, ни антилигентов, ни трудящих. Что б все были ровня.

– И я такое слышал! – согласился кто-то третий. – Все будут трудящие. Которы могут умственно трудиться, тем, значит, на счетах пожалуйста, или в конторе, или, на крайний случай, при складе. А которы по малограмотности до этого не приспособлены, те кирпичи клади, землю копай. А чтоб никому не обидно, всем одинаковый паек.

– Я и говорю: ровня.

– А когда ж коммунизм? Очень до него дожить охота.

– Дак вскорости. Сразу опосля этого. Только не всем сразу, не в один день. Сам суди. Народу в Рассее тьма-тьмущая. На всех сразу его не напасешься. Может, спервоначалу по карточкам или по спискам. По мере, значит, поступления. А потом уже всем.

– Мудрено как-то. То, говоришь, ровня, для всех. А то сперва по спискам. Это как же? Сперва тем, кто ровнее?

– А ты как думал? Много таких найдется, которы губы раскатают, чтоб без очереди. Не выйдет! Сперва издаля в него вживись, в коммунизм. Прочувствуй. А потом уже... Видишь, вот и ты. Сразу про равенство заговорил. А при коммунизме допрежь равенства на первом месте совесть стоять будет, потом доброта, щедрость. Да много всего-разного.

Кольцов начал придремывать. Голоса за перегородкой стали расплывчатыми, неясными.

Он тоже стал думать о будущем. Понятно, что коммунизм наступит не сразу. Его еще надо строить и строить. И на земле, и в людских душах. И все-таки, как же он будет выглядеть?

И представился ему уютный дворик, весь в зелени, кусты сирени с разноцветными гроздьями, красивый белый дом с резными наличниками на окнах. От окна дома к летней кухоньке, совсем как в его родительском дворе, протянута веревка и на ней слегка шевелятся на теплом летнем ветерке белоснежные простыни, пеленки, ползунки, рубашечки и штанишки разновозрастных детишек. А на крыльце стоит его жена с лицом Тани Щукиной. Она держит на руках младенца, совсем как мадонна с иконы. И рядом с нею двое погодков с лицами Кати и Коли, детишек Лены Елоховской. Нет, с его детьми, потому что теперь они Кольцовы. И все они счастливы, и все улыбаются ему, и машут руками. Зовут, что ли?

Таким привиделось Павлу Кольцову будущее. А что! Может, как-то так и будет выглядеть коммунизм? Никогда на земле его не было. Никто его не строил. А представляют его все по-разному. Ясно лишь одно: будет он добрый и справедливый.

С этими мыслями Павел и уснул, и уже не слышал, как его попутчики еще долго там, за перегородкой, спорили, и так, ни до чего не договорившись, тоже затихли.

Глава третья

Неподалеку от Брест-Литовска их поезд несколько раз останавливали красноармейские пропускные пункты. На одной из остановок отцепили товарные вагоны, и дальше маломощная «овечка» потащила только один их вагон. Пару раз они опять останавливались, но вскоре, после каких-то коротких формальностей, которые улаживали проводники, снова трогались.

Проехали Брест-Литовск, и их поезд остановился теперь уже надолго. Проводники куда-то ходили, что-то выясняли и результаты время от времени докладывали Тихонову. Были они, судя по всему, неутешительные, потому что Тихонов мрачно ходил вдоль вагона и ни с кем не разговаривал.

Спустя несколько часов безуспешных хлопот они наконец пришли повеселевшие.

– Выходите с вещами! Пересадка! – скомандовал истомившимся за время ожидания пассажирам Тихонов.

Они долго гуськом шли вдоль насыпи по окраине города. Здесь не было жилых домов, лишь кое-где среди поросших полынью пустырей высились кирпичные руины и искореженные металлические фермы каких-то недавно разрушенных предприятий. А ближе к мосту появились недавно выкопанные, но так и не обжитые окопы. Кто их копал, красноармейцы или польские жолнеры, определить было трудно. Продолжалась ли еще война или уже наступило временное перемирие, тоже узнать было не у кого.

Станным образом война обходила этот пустырь стороной. По субботам и воскресеньям здесь происходили иные, коммерческие, баталии, потому что ничто не могло отменить на этом пустыре перед мостом шумные российско-польские базары.

Вскоре пассажиры подошли к мосту, возле которого стояли часовые в незнакомой им форме. Они были в необычных фуражках-конфедератках, с короткими кавалерийскими винтовками за плечами. Внизу, у реки, среди еще не пожухлой травы стояли большие воинские палатки и пасся табун лошадей. Похоже, здесь был временный пограничный пост.

Сопровождающие их проводники попрощались. Тихонову указали вдаль.

– Вон там, видите? То ваш вагон. С утра дожидается.

– Так чего ж так долго?

– Граница. Хоть пока и липовая. А все равно, море всяких формальностей, – и проводники повернули к своему осиротевшему поезду.

Члены Миссии продолжили свой путь к одиноко стоящему на широкой лесной поляне вагону. Когда проходили мимо часовых, те в знак приветствия вскинули по два пальца к своим конфедераткам.

– Маем пшиязнь до советов! – сказал один из них, и оба дружелюбно заулыбались.

Это уже был совсем другой вагон, не новый, но чистый, ухоженный, предназначенный для дальних поездок. Проводниками оказались две милые, очень похожие одна на другую, паненки. Вероятно, мать и дочь. Они ожидали их, стоя на насыпи возле вагонов.

Паровоз к вагону был прицеплен и, ожидая пассажиров, время от времени вздыхал и окутывал проводниц теплым паром. Едва члены Миссии поднялись, как паровоз дал сиплый гудок и тронулся.

Вагон им больше не меняли. В Варшаве его прицепили к скорому международному поезду «Варшава – Париж», и его заполнили шумные поляки.

Делегация занимала теперь три крошечных купе, и из-за тесноты Кольцов, Цюрупа и Тихонов предпочитали большей частью стоять в коридоре и с любопытством рассматривать мелькающую за окном чужую жизнь.

Польша почти ничем не отличалась от России. Такие же крохотные земельные наделы, большей частью невспаханные. Где крестьяне трудились, обрабатывали свои поля с помощью

тощих коровок. Следы только недавно прошедшей здесь войны по возможности припрятали. Разница между нами и поляками была лишь в одном: здесь нищету стыдливо скрывали. В России же ее выставляли напоказ и даже гордились ею.

Григория Цюрупу оставили под мрачными сводами Берлинского вокзала. От Берлина в памяти остался запах дыма. Не того уютного, соломенного, которым по осени пахнут русские деревни, напоминающего о тепле и выпеченном хлебе. Здесь же был резкий и грубый запах угля, сгоревшего в казарменных печах и офисных каминах. Прохожие на улицах были одеты в серое и темное, лица озабоченные и печальные, словно все они шли с похорон. Германия трудно излечивалась от не так давно пережитой войны.

А потом началась Франция, и словно в одночасье за окном вагона сменилась декорация. Замелькали чистенькие и весело разукрашенные деревеньки, на улицах стало многолюдно и празднично.

Последние полсотни километров поезд двигался неторопливо, словно пробивался сквозь столпившиеся вокруг столицы совсем игрушечные городки и поселки. Когда начался собственно сам Париж, никто так и не заметил. Просто постепенно среди низкорослых домиков стали появляться высокие, основательные дома, особняки и экзотические средневековые замки. Мелькали узкие, похожие на теснины в горах, улочки. Вдалеке величественно проплыл высокий, своими тупыми куполами подпирающий небо, старинный собор.

– Гляди, знатная церква, – сказал кто-то из делегации. – А не той красоты, не российской. Печальная какая-то, к небу тянется.

– Похож на собор Парижской Богоматери, – сказал Тихонов. – Если выдастся время, мы и «Собор соборов» обязательно посетим.

– Выходит, это уже Париж?

– Самый что ни на есть.

Вскоре поезд остановился под высокими сводами Северного вокзала. Выходящие из вагонов на перрон пассажиры смешивались со встречающими. Объятия, поцелуи, слезы, смех. Лишь члены Миссии сбились в кучку и растерянно осматривались. Их поражало здесь все: нарядные люди, обилие цветов, но особенно – легкая стеклянная крыша вокзала, сквозь которую струился мягкий солнечный свет.

Тихонов вглядывался в толпу, обеспокоенным взглядом кого-то в ней выискивая. Посветлел лицом, когда заметил пробивающихся сквозь многолюдье двух мужчин. Они еще издали помахали ему руками. Миссию встречали.

Оглядывая вокзал, Кольцов заинтересовался переминающимися под стеной неряшливо одетыми, небритыми парнями. Они не были похожи на встречающих, лениво стояли под стеной, оценивающими взглядами просеивали покидающих перрон пассажиров. Время от времени один из них отклеивался от стены и нырял в толпу.

Тихонов меж тем коротко переговорил со встречающими их мужчинами. Затем с одним из них, низеньким, пожилым, похожим на мячик, французом с грубым мясистым лицом сатира, подошел к Кольцову. И тут же выяснилось, что никакой это не француз.

– Познакомьтесь, Павел Андреевич! Ваш гид и переводчик, – сказал Тихонов.

– Илья Кузьмич Болотов. Можно просто Илья. Мне так даже больше по душе, – представился тот на чисто русском, с вологодским акцентом, нажимая на букву «о».

Кольцов заметил, что его российские попутчики уже подхватили свои пожитки и приготовились уходить. Кольцов вопросительно взглянул на Болотова.

– У нас свой маршрут, – пояснил Болотов.

Павел подошел к членам Миссии, с каждым попрощался за руку. Сказал Тихонову:

– Был рад с вами познакомиться, Александр Дмитриевич. И благодарю за это совместно проведенное время.

– Я тоже рад, – Тихонов взял его руку в свои большие ладони. – Прощаться не будем. Скажем друг другу «до свиданья». Надеюсь вскоре снова увидеть вас, – и уточнил: – В Москве.

– Может, еще успею с вами? – с тоскливой безнадежностью не то спросил, не то поинтересовался, как на это отреагирует Тихонов.

– Сожалею, – словно бы попросил прощения Тихонов. – О вас теперь будет заботиться Борис Иванович Жданов. Насколько я осведомлен, эта фамилия вам знакома?

– Лично с ним не знаком, но слышал о нем много хорошего.

– Замечательный человек.

– Надеюсь... Счастливо вам, – грустно сказал Кольцов.

– И вам тоже.

Делегаты, окружив Тихонова, как цыплята наседку, двинулись к выходу. Они шли, тесно сгрудившись, стараясь не отставать от Тихонова. Эти еще совсем недавно боевые конники, опытные рубаки, со страхом оглядывались по сторонам. Их пугало здесь все: чужая речь, незнакомая нарядная публика, гудки лимузинов, звуки шарманки.

Кольцов проводил их тоскливым взглядом. Впервые в его богатой на нестандартные случаи жизни он оказался в ситуации, которую не совсем понимал и, тем более, никак не мог на нее повлиять. Более того, предприятие, в которое он ввязался еще там, в Москве, казалось ему крайне легкомысленным и непродуманным. И если бы в разговоре с Вениамином Михайловичем Свердловым случайно не всплыла фамилия Старцева, он, несомненно, отказался бы от этой поездки. И никто, даже Феликс Эдмундович Дзержинский, не смог бы его уговорить. Но...

В ту минуту он представил себе растерянного, обворованного Ивана Платоновича Старцева, милого, доброго и кристально честного пожилого интеллигента, который не однажды в жизни выручал его, спасал почти от неминуемой смерти – и все, и Павел уже не думал о бессмысленности предложения, которое сделал ему Свердлов. Он сказал «да» потому, что не мог поступить иначе, потому, что хотел подставить плечо помощи этому дорогому ему человеку, бесконечно одинокому в далеком и чужом для него Париже.

Кольцов и Болотов едва ли не с последними пассажирами, прибывшими поездом «Варшава – Париж», покидали перрон. Краем глаза Кольцов заметил: один из молодчиков отскочил от стенки, бросился к ним. Перегородив путь, широко размахивая руками, стал что-то доказывать Болотову. Но Болотов произнес одно только слово, вполне возможно, непечатное. Во всяком случае, парень тут же отступил и снова вернулся на свое место у стены.

– Что он хотел? – спросил Кольцов.

– А что может хотеть бродяга, клошар? Нищий, если по-нашему, – пояснил Илья Кузьмич. – Особая каста. Законом здесь запрещено нищенствовать, но можно получить вознаграждение за оказанную какую-либо услугу. Или воровать. Этот предложил сопроводить нас в гостиницу с таким сервисом, от которого никогда не отказываются мужчины.

– И что же вы?

– Я ему ответил. Он меня понял.

Пройдя сквозь широкую вокзальную дверь, они оказались на улице Паради, и словно нырнули в водоворот шумной парижской жизни. Вдоль сияющих хрустальных витрин неспешно двигалась говорливая толпа. Серdito клаксонили лимузины, с трудом пробираясь сквозь уличное многолюдье. Размахивая газетами, что-то выкрикивали продавцы новостей. Откуда-то доносились печальные звуки шарманки.

После тихой, деловой и озабоченной Москвы Париж показался Кольцову похожим на яркое цветистое лоскутное одеяло, под которым он проспал все свое босоное детство в родительском доме в Севастополе. Мама доставала на швейной фабрике ни для чего уже больше не пригодные обрезки различных тканей и сшивала их в самом причудливом сочетании. Надо

думать, у мамы был хороший вкус: ее одеяла быстро раскупались и были хорошим подспорьем отцовскому жалованью.

– На метро или же прогуляемся? – спросил Илья Кузьмич. – Нам тут недалеко.

– Хотелось бы и в метро. Слышал про такую диковину: поезда под землей.

– Еще успеете. А по мне, так лучше пешком.

– Пешком так пешком, – согласился Кольцов. Во всяком случае, ему в равной степени хотелось посмотреть и на поезда в подземелье, и увидеть нарядные и шумные улицы, по мнению многих, самого красивого города мира.

Они обогнули Северный вокзал, ненадолго задержались возле одной из красивейших парижских церквей Сен-Венсенн де Поль, узкими нарядными улочками вышли к бульвару Ла Шапель и минут десять шли по нему вдоль бесчисленных магазинов, магазинчиков, кафе, трактиров и бистро. Здесь торговали самыми дешевыми товарами, завезенными сюда со всех концов земли. И праздную толпу парижан, неторопливо движущуюся по бульвару, тоже разбавляли темнокожие жители Африки, желтолицые японцы и китайцы, реже в этой толпе можно было увидеть смуглых марокканцев в высоких малиновых фесках.

Свернув с бульвара, они вскоре вошли в тихий уютный дворик.

– На всякий случай запомните свой адрес, – попросил Илья Кузьмич. – Улица Маркс-Дормуа. Маркс, я так понимаю, запомните легко. Ну а по поводу Дормуа слегка напрягитесь. Рю Маркс-Дормуа, одиннадцать. Близко метро Ла Шапель, – и уверенно добавил: – Освойтесь!

Нет, совсем не такой виделась Павлу встреча с Иваном Платоновичем. Сколько помнил его Кольцов, Старцев умел держать удары судьбы. Даже в самых тяжелых передрыгах он оставался спокойным и жизнедеятельным.

Здесь же, в неудобном парижском полуподвале, куда их с Бушкиным определили на жительство, перед Кольцовым предстал исхудавший, измученный неприятностью с саквояжами, придавленный осознанием своей вины старик со всклокоченными волосами и болезненным, землистого цвета, лицом.

Увидев Кольцова в двери их скромного парижского жилища, он нисколько не удивился, не обрадовался, даже не поднялся ему навстречу, лишь только, поймав на себе его взгляд, молча и как-то беспомощно и обреченно развел руками.

Павел понял: прежде чем приступать к поискам злополучных саквояжей (в успех этих поисков он совершенно не верил), надо приводить в порядок самого Ивана Платоновича, встряхнуть его, вернуть в привычное состояние. И вместо радостных объятий, вместо каких-то успокаивающих слов, он неожиданно даже для самого себя сердито сказал:

– Ну и что? Что такое случилось, чтобы киснуть в этом полумраке, как на похоронах?

И это возымело свое действие. Иван Платонович поднялся, шагнул к Павлу, тихим винноватым голосом произнес:

– Вот именно. Как в мышеловке. А жизнь – там, – он указал на узкое полуподвальное окно, за которым были видны только проносящиеся мимо ноги, то мелко стучащие, в изящных туфельках, то неторопливые, усталые, в грубых изношенных ботинках.

Откуда-то из полумрака на свет выдвинулся с трудом узнаваемый Кольцовым, преобразенный модным цивильным костюмом бессменный адъютант Ивана Платоновича бывший морячек Бушкин. Он без всяких предисловий сварливым голосом стал сбивчиво и путано объяснять:

– Сами посудите, винят во всем товарища профессора Ивана Платоновича. А товарищ профессор раньше море только, может, на картинке видели. А тут, как из Ревеля вышли, трое суток штормяга нас баюкал. Что в Москве ели, и то из себя выкинули. Да пока из Гавра в Париж. За пять суток маковой зеринки во рту не было. А тут из трактира запах. Зашли. Суп

луковый всего за франк. По правде сказать, он больше и не стоит. Помои. Не то, что наш борщ...

– О чем вы, Бушкин? – остановил его косноязычную и сбивчивую речь Павел.

– Докладаю, как все было. Потом полиция откуда-то объявилась. Стрельба. Вся потасовка в коридоре, там, где саквояжи оставили. Потому как нас в зал с ними не пускали. Что было делать? Мы так сразу и поняли: вся катавасия из-за наших саквояжей. Хороший мальчик, как же по ихнему... гарсон, ну, официант, нас через кухню выпустил. А то сидеть бы нам сейчас в полиции. Вот и судите, какая на нас вина?

– А кто вас винит?

– Да много их, таких. Вот и они тоже, – Бушкин указал взглядом на Болотова. – В глаза ничего такого, а смотрят, как царь на блоху.

Илья Кузьмич ничего не ответил. Лишь скупой улыбнулся.

– А откуда вы знаете, как царь на блоху смотрел? – пошутил Кольцов. Из бестолкового повествования Бушкина он мало что понял и пришел к выводу, что продолжать этот разговор пока бессмысленно. Надеялся, что в разговор вступит Иван Платонович. Но он обиженно молчал.

Бушкин же никак не мог уговориться, продолжил все тем же ворчливым голосом:

– Представляю. Я все представить могу. Закрою глаза – и вижу, как все может быть. Я в нашем театре, на личном бронепоезде товарища Троцкого, кого только не представлял! Царя, правда, не довелось, а князей всяких, графией уймащу переиграл. Даже Лев Давыдович как-то мне сказал: «Очень у вас, товарищ Бушкин, все натурально получается. Прямо по учению товарища Станиславского». А я товарища Станиславского месяц назад как увидел. Там, в Москве. Он мне еще даже слова не успел сказать.

– Давайте так сделаем, Бушкин! Пока о деле ни слова, – предложил Кольцов. – Вот вечером встретимся с теми товарищами, что смотрят на вас, как царь на блоху, вы всю свою обиду им и выскажете. Всех выслушаем. Посоветуемся. И примем какое-то решение. Согласны?

Не ожидая ответа словоохотливого Бушкина, Кольцов обернулся к Старцеву, взял его за руки:

– Здравствуйте, дорогой мой Иван Платонович. Мы так давно с вами не виделись.

И старик вдруг приник к нему, уткнулся лицом в его легкое пальтецо, плечи стали вздрагивать, слышались тихие всхлипы.

Кольцов обнял его, словно заслоняя от всех бед, прижал к себе и, успокаивая, стал растерянно бормотать:

– Ну-ну! Не надо так. Ничего не случилось. Найдем мы эти саквояжи. А не найдем, и хрен с ними. Для одного человека это, может, и потеря. А для государства – неприятность, конечно, но не такая отчаянная.

Кольцов гладил спину Старцева, и тот постепенно стал успокаиваться.

– Вы ведь умеете держать себя в руках, – продолжал Кольцов. – Я это знаю. Я порой удивлялся...

– Не надо. Ничего не говори, – попросил его Иван Платонович. – Я ведь понимаю: государственное дело. Кто-то должен нести ответственность. Виновным назначили меня.

– Кто?

– Ну, те. Они допрос мне учинили. По три раза все переспрашивали, запутывали. Может, хотели поймать меня на лжи?

– Глупости. Никто ни в чем вас не подозревает, – твердо и даже сердито сказал Кольцов.

– Не надо, Паша! И вообще, мы не о том говорим, – постепенно успокаивался Старцев. Помолчав немного, продолжил: – Я, когда в Гохране довелось поработать, чего только не насмотрелся! Веришь – нет, бриллианты едва не с горошину величиной в руках держал. И красоты неземной.

– Ну что ж теперь? Может, отыщем?

– Я о другом. Когда такие бриллианты в ранты запихивали, я подумал: да как же это можно? Такие ценности! Достояние России! И как в море выбрасываем. Вот они меня вроде как в воровстве подозревают. А воры-то – они. Да-да! Все они! А я всего лишь их пособник. Пособник воров. Совсем уж низкая роль... Бессонница замучила. Лежу и вспоминаю, какие камни в том проклятом саквояже были. Ладно бы, на свои государственные забавы пустили бриллиантовый песок, мелочь. Еще куда бы ни шло. Так ведь нет, все лучшее вывозим. Если так дело пойдет, скоро и до «Графа Орлова» руки дотянут.

Кольцов вспомнил, что и он там, в кабинете Свердлова, подумал об этом же: разбазариваем, раскрадываем Россию. Но Свердлов сумел успокоить его, даже убедить: причина уважительная – во что бы то ни стало необходимо остановить войну, сохранить жизни людей. Ради такой цели можно пожертвовать какой-то долей бриллиантов. Можно-то можно. Обычно так начинается. А потом...

Вот грядет голод. И опять святая причина для разворовывания: сохранить жизни людей. А потом воровство войдет в привычку, и разворовывать государственную казну станут просто так, без причины. Точнее, причину в большом и сложном государственном механизме всегда можно найти. Печальная перспектива, если, не дай бог, это сбудется.

– Ну, все! Давайте пока прекратим! – попросил Ивана Платоновича Кольцов. – Вы – курьеры. Всего лишь. Могли и не знать, что перевозите. Так что отвечают пусть те, кто облечен властью, кто изобрел это постыдное воровское «бриллиантовое взяточничество».

– Не согласен! – упрямо настаивал Старцев. – Я знал. Знал и участвовал. Потому и сужу себя ночами. Строго сужу.

– Это в Москве им все выскажете. Сейчас же давайте думать о том, как это случилось? Кто мог это сделать? Вспоминайте все-все. Может, и найдем, за что уцепиться?

– Мы им все рассказали. Как на духу, – вступился за Старцева Бушкин.

– Оставьте до вечера этот разговор, – вмешался до стих пор терпеливо молчавший Илья Кузьмич Болотов. – Насколько я знаю, вечером вас навестит тот самый злодей, который снимал с вас допрос. Только никакой он не злодей, и ни в чем никого из вас он не подозревает. Я немного в курсе. Но больше ничего говорить вам не стану. Не уполномочен.

Такой вот нескладной и безрадостной получилась парижская встреча Кольцова со Старцевым. Эти проклятые саквояжи заслонили им удовольствие от общения после длительной разлуки. У каждого из них накопилось друг к другу много вопросов. Но на ум не шло ничего, кроме этих украденных саквояжей.

Глава четвертая

А ранним вечером, когда синие сумерки опустились на Париж, в их полуподвал спустились трое. Двое сопровождали пожилого, крупного, богато одетого господина. Он тяжело дышал и опирался на инкрустированную серебром самшитовую трость с набалдашником из слоновой кости. Кольцов догадался, что это и есть Борис Иванович Жданов, о котором много слышал от Фролова, но никогда не доводилось его увидеть. И то сказать: у них были совершенно разные дороги, которые нигде и никогда не пересекались. Да и не могли пересечься, если бы не этот из ряда вон выходящий случай.

Жданов был легендой. Фролов был знаком с ним и не однажды тесно общался, поэтому Павел знал о Жданове больше многих. Знал, что в девятьсот четвертом он легализовался в Париже, основал собственную банкирскую контору «Борис Жданов и К». За долгие годы она завоевала стойкое признание не только во Франции. Но все же основными ее клиентами были родовитые эмигранты, покинувшие Россию не с пустыми карманами еще в предгрозые, когда до Гражданской войны оставались уже не годы, а месяцы, и по всей Империи народ без устали митинговал и колобродил. Мало кто знал, что все эти годы банкирская контора Жданова принадлежала большевистской партии и немалые доходы поступали в ее кассу. Но к началу двадцатого года касса была почти начисто выпотрошена. Пытаясь остановить войну, большевики пустили на взятки все ценное, что еще представляло в мире какой-то интерес. Тогда чей-то глаз и упал на ценности, которые не успела прихватить с собой, второпях покидающая родные края, буржуазия. Главным образом, на бриллианты, которые всегда во всем мире имели довольно высокую цену.

Но случился парадокс. Чем больше богатели на российских взятках высшие французские чиновники, тем менее охотно поддерживали усилия тех, кто действительно добивался прекращения российской бойни. Чиновники понимали, что с последним выстрелом иссякнет бриллиантовый ручей, текущий из России.

И все же, уже чувствовалось, что война идет к концу. Французское правительство постепенно выводило свои войска с территорией Советской России. Еще бы немного поднажать! Еще бы чуть-чуть!..

Бориса Ивановича не покидала надежда, что саквояж с бриллиантами будет найден. Или уж, во всяком случае, где-то всплывут о нем достоверные сведения и навсегда похоронят надежду. Во что, конечно, Жданову не хотелось верить.

Сопровождал Жданова Илья Кузьмич Болотов, который в последние годы стал его незаменимым помощником и доверенным лицом. Второй спутник был высокий и худой, в просторном макинтоше и модном английском котелке. Павлу показался он знакомым, но хорошо его рассмотреть не успел: внимание главным образом было приковано к Жданову. К тому же, джентльмен в макинтоше сразу же скользнул в сумеречный угол комнаты и там словно растворился.

– Такие вот дела, – сказал Жданов, словно продолжил давно начатый разговор. – Новости, которыми мы на сегодняшний день располагаем, весьма странные. Скучные и мало утешительные.

Все насторожились. Старцев и Бушкин пододвинулись поближе к Жданову, напряженно ждали продолжения. Кольцов, неторопливо вышагивавший по длинной нескладной полуподвальной комнате, остановился. Лишь джентльмен в макинтоше даже не шелохнулся, вероятно, он был предварительно посвящен в новости, которые собирался изложить Жданов.

– Я предполагаю... подчеркиваю: предполагаю, что тайная французская полиция совершенно случайно и с опозданием что-то узнала, точнее, догадалась о курьерах из России, и

поэтому сработала довольно топорно. Поводом послужила отправленная Москвой шифрованная радиограмма. Текст был банальный.

Жданов излагал все так подробно, во многом повторяясь, лишь затем, чтобы и Кольцов тоже был посвящен в эту историю.

– В пустынькой бытовой радиограмме был указан Северный вокзал. А он, кажется, единственный в Европе – в Париже, – продолжил Жданов. – За него-то и зацепилась Сюрте. Не обнаружив курьеров на опустевшем вокзале, логично обратили внимание на близко находившийся от вокзала кабак «Колесо». Все дальнейшее и вовсе пока не понятно. Какая-то драка. Стрельба. В чем причина? наших товарищей это, как ни странно, не коснулось. Они покинули «Колесо», в чем я их не могу обвинить. Результат: потеряны два саквояжа. Из не очень достоверных источников мы узнали, что вроде бы Сюрте располагает одним. Всего лишь одним. Где второй? – Жданов обвел слушателей многозначительным взглядом.

Все промолчали, настороженно ждали продолжения рассказа. Кольцов тоже стал теперь понимать еще меньше, чем тогда, в Москве, после беседы со Свердловым.

– Как нам известно, содержимое саквояжа курьера Бушкина не представляло никакого интереса. Обычные вещи путешествующего обывателя.

– Да, он был пустышкой, – подтвердил Иван Платонович. – В таком случае можно предположить, что...

– По тому, чем мы располагаем, трудно что-либо предположить. Совершенно не факт, что французская тайная полиция заполучила оба саквояжа, – подал свой голос незнакомец, до сих пор молча сидевший в сумеречном углу. Он подхватил свой стул, перенес его к столу, но не сел, а, опираясь на него, продолжил: – А также, что она извлекла из второго тайное содержимое, но по каким-то причинам решила это скрыть. Такое же предположение, как и все остальные. И все они, как я понимаю, ведут в тупик. Точно известно совсем немного. Исчезли два саквояжа. Один, похоже, каким-то образом оказался в Сюрте. И в Сюрте ли, тоже вопрос. Возможно, это обычное ограбление. Судьба второго саквояжа, «Роули», который нас прежде всего интересует, и вовсе неизвестна.

Кольцов до этой минуты никак не мог сосредоточиться на разговоре. Его мучило смутное подозрение, что сопровождающий Жданова человек в макинтоше ему знаком. Павел несколько раз бросал взгляды в затемненный угол, но никак не смог его разглядеть. И вот сейчас, пока он еще даже не вышел на свет, а лишь прозвучал его голос, Павел твердо понял: это Фролов. Этот голос, низкий, чуть хриловатый, он не спутал бы ни с чьим другим.

– Что говорится в задаче? Что надо приложить все усилия для выяснения судьбы именно второго саквояжа.

Да, это был он, Петр Тимофеевич Фролов, чуть постаревший, несколько преобразенный одеждой. Но какими судьбами он оказался здесь?

Фролов тоже с легкой улыбкой пристально смотрел на Кольцова.

– Петр Тимофеевич! – воскликнул Павел, они обнялись и долго стояли так в борцовской позе, похлопывая друг друга по спине. – Вот уж не ожидал. Вы ведь, кажется, обитаете в Стамбуле?

– Был в Стамбуле. Теперь вот – из Англии. И тоже, как и ты, прибыл только сегодня.

Все еще обнявшись, они разговаривали только вдвоем, и только о своем, и все остальные, радуясь этой встрече двух друзей, молча слушали.

– Я не хотел сюда, – вспомнил Павел свое упрямое нежелание браться за это дело. – Согласился в последнюю минуту. Если б я знал...

– Париж сейчас – большая деревня. Здесь можно увидеть, кого и не думаешь. В прошлый приезд я здесь случайно встретился знаешь с кем?

– Уж не с полковником ли Щукиным? – вырвалось у Павла. – Он ведь, кажется, где-то здесь, во Франции.

С той минуты, как Кольцов ступил на асфальт Парижа, он втайне мечтал об этой встрече и боялся ее. Точнее, он мечтал о встрече с Таней, но боялся ее отца, встреча с которым могла оказаться для него роковой. Вряд ли полковник простил ему свой позор. Последняя их встреча была в Севастополе. По договоренности с Дзержинским, Врангель помиловал Кольцова. Полковник Шукин забрал Кольцова из севастопольской крепости и вывез за город. Ах, как не хотелось тогда ему отпускать Кольцова! Но и перечить воле главнокомандующего, барона Врангеля, он не мог. Шукин словно предчувствовал, что у этой встречи еще будет продолжение. Боялся не за себя, а за свою дочь, которая не на шутку влюбилась в этого красного чекиста.

– Не перегорело? – улыбнулся Фролов, в свое время посвященный в тайну любви своего младшего друга и полковничьей дочери. – Нет, с полковником я не был знаком.

– Так с кем же? – уже с меньшим интересом спросил Павел.

– С нашим хорошим общим знакомым... с графом Красовским. Помнишь такого?

– Ну как же! Он еще барон Гекулеску. И русский дворянин Юрий Александрович Мионов тоже он. Насколько я помню, последнее время он пользовался именно этой фамилией.

– Из любопытства я забрел на один из парижских «блошинных рынков». Вижу знакомое лицо. К сожалению, я не сразу его вспомнил. Ненужная встреча. Но уже не сумел увернуться. Перебросились парой слов, и расстались. И теперь я все время думаю, какой сюрприз мне эта встреча может преподнести. Я ведь, похоже, надолго здесь застряну, – Фролов легенько отстранился от Павла и перешел на деловой тон. – Ладно. Об этом – позже. Вернемся к нашим саквояжам. Я все же не думаю, что второй саквояж попал в Сюрте. Там хорошо умеют потрошить саквояжи, чемоданы, но не очень хорошо – беречь свои секреты. Не могли бы они скрыть такой улов. Уж где-то что-то бы промелькнуло. Но тогда где он, этот второй саквояж?

И опять воцарилась долгая, угрюмая тишина. Ее нарушил Павел:

– В таком случае, у меня еще несколько вопросов. Все же, что за радиogramма? Почему курьеров не схватили?

– Я, пожалуй, отвечу, – сказал Фролов. – Я ведь только что из Лондона, и кое-что выяснил именно там. До недавнего времени, едва ли не до вчерашнего дня, мы здесь все еще пользовались шифрами и кодами царской России. Во время войны многие шифровальщики и криптографы бежали из России, разбрелись по свету. Их с удовольствием пригрела у себя Интеллидженссервис, Сигуранца, Сюрте. Мне стало доподлинно известно, что шифровку, посланную Борису Ивановичу по радио, совершенно случайно перехватили англичане. Она не содержала абсолютно никаких сведений, которые могли бы вывести на курьеров. В ней говорилось о невесте, которая предположительно будет тогда-то, и просят ее встретить на Северном вокзале. Все. Ни о городе, ни о точном времени приезда, ни о курьерах и саквояжах речь в ней не шла. Вполне бытовой текст.

– Непонятно, – покачал головой Кольцов.

– На то она и шифровка, – Фролов бросил короткий взгляд на Жданова, который не принимал участия в разговоре и даже, похоже, слегка дремал. – А вот Борису Ивановичу все было понятно: и кто такая невеста, и когда она приедет, и почему ее надо встречать.

– Но в таком случае, при чем здесь Сюрте, при чем Интеллидженссервис?

– Тут-то и зарыта собака.

Фролов сделал длинную паузу. Он был сейчас похож на циркового факира, который замирает перед решающим пасом, когда дробно гремят барабаны, призывая к вниманию.

– Наша ошибка. На первый взгляд, совсем пустяковая, но, как оказалось, довольно существенная. Текст вызвал подозрение англичан лишь потому, что он был передан с помощью шифра. Этот же текст, переданный обычным способом, вряд ли вызвал бы какие-либо подозрения. Но поскольку все это в меньшей степени касалось Туманного Альбиона, англичане не слишком торопились передать текст шифrogramмы коллегам из Сюрте. А французы, воз-

можно, тоже не обратили на нее должного внимания. Только этим я объясняю целую цепь происшедших затем накладок как с той, так и с нашей стороны.

– Какие же – с нашей? – поинтересовался Кольцов.

– Не сменили в свое время шифры, хотя и знали, что они ненадежные. И не своевременно встретили курьеров, – загибая пальцы, с готовностью ответил Фролов.

Они еще долго обсуждали происшедшее. Высказывали различные предложения, как выяснить, где сейчас может находиться интересующий их саквояж? Кто его похитил?

Дав всем вволю наговориться и наспориться, все время до сих пор молчавший Жданов поднял свою большую белую голову и тихим голосом сказал:

– Есть такая наука – история. Она занимается прошлым, чтобы объяснить будущее. Вот и нам надо проанализировать вчерашнее, чтобы знать, как поступать завтра. Из тех фактов, которыми располагаем, хороший кулеш не сварим. Мы ведь почти ничего не знаем. Не знаем даже, чьих рук это дело? Мы-то в своих рассуждениях грешим на шифрограмму, которая оказалась в руках Сюрте. Но мы не знаем, обратила ли на нее внимание тайная полиция или же эта шифрограмма ее вовсе не заинтересовала. Возможно, это обыкновенное ограбление. Нужны новые факты, нужны подробности, без которых мы никуда не двинемся. А время нас подстегивает, поэтому приниматься за дело нужно уже завтра.

Говорил Жданов неторопливо, весомо. Все всё понимали. Понимали, что нужно торопиться, что нужны новые подробности. Только владея ими, можно было надеяться, что удастся ухватиться за ту ниточку, которая приведет к желанному успеху. Как ее найти? И возможно ли ее найти?

Жданов немного помолчал. Он словно уловил этот витающий в воздухе вопрос и стал отвечать именно на него:

– Где они прячутся, так необходимые нам подробности? Думаю, что в бистро «Колесо», где и разыгрались эти события. Пока все это не ушло в давность, там еще можно кое-что накопать.

Жданов опять на некоторое время задумался. Хотя вряд ли размышления, которые он излагал, рождались именно сейчас. Надо полагать, все дни до приезда Кольцова и Фролова, он не один час своего дорогого банкирского времени потратил на эти раздумья. Финансист по образованию и банкир по характеру: в меру прижимистый, не любящий неоправданного риска, он иногда кидался в такую безрассудную авантюру, что, как казалось его коллегам, на этот раз костей не соберет. А он всем на зависть выходил из нее с большим барышом.

На вопрос о том, какими качествами он может объяснить свой банкирский талант, он неизменно отвечал: «Тяжелой задницей плюс капелькой интуиции и толикой везения». Насчет задницы: он мог по несколько суток без сна корпеть над горами бумаг, сотни раз считать и пересчитывать, если всего лишь на один-единственный цент не сходились все цифры в отчетах. За что его и любил российский текстильный фабрикант и миллионер Савва Тимофеевич Морозов. И когда незадолго до его смерти Борис Иванович обратился к нему за помощью, тот охотно и ни на минуту не задумываясь помог ему основать в Париже банкирскую контору «Жданов и К».

Борис Иванович был провидцем. Еще в самом начале века он понял, что Россию ждут великие перемены, а они, как правило, не обходятся без крови. Париж всегда был притягательным для россиян. Жданов уже тогда предположил, что в будущих великих перемещениях народов в Париж хлынут, вместе со своими российскими хозяевами, несметные богатства.

Он не ошибся. Благодаря российским ценностям его банкирская контора приобрела репутацию одной из самых надежных во Франции.

То, что произошло сейчас, повергло его в гнев. За пятнадцать лет существования контора редко впустую теряла франки. По его вине – никогда. И вдруг такая неудача!

До какой-то степени Борис Иванович и с себя не снимал вины. Привыкнув доверять своим подчиненным, он лишней раз не напомнил о прибытии курьеров, поэтому их своевременно не встретили. Что было дальше, он доподлинно не знал. А необходимо было знать все, до подробностей. Потому что в подробностях таилась разгадка. Если к этому причастно Сюрте, негативных последствий можно ждать скоро, много и на достаточно высоком уровне. Чтобы избежать неприятностей, нужны деньги, даже очень большие деньги. А их в кассе почти не было. Если же саквояжи украли обыкновенные воры, чего нельзя исключать, то почему до сих пор никуда ничего не просочилось. Это могло свидетельствовать только об одном: воры не обнаружили припрятанные бриллианты.

Ах, если бы знать, если бы знать! Появилась бы хоть малейшая надежда на удачу.

– Есть еще путь от Гавра до Парижа. Не оттуда ли все начинается? – вновь вернулся к своим размышлениям Жданов.

– Нет! – твердо сказал Бушкин. – У меня на это дело глаз-ватерпас. Я слежку за версту чую. Не было ничего такого. Заметил бы.

– Да и чем они могли привлечь внимание? – спросил Кольцов.

– Хотя бы тем, что едут из России.

– Таких сейчас много.

– Те едут с семьями, с громоздким домашним скарбом, – пояснил Жданов. – Да и одеваются в дорогу не броско. Наши же выглядят туристами. А туристы сейчас из России не едут. Впрочем, не настаиваю на этой версии.

– Не было слежки, – вновь повторил Бушкин.

– Было – не было, этого уже не узнать, – сказал Жданов. – А вот что произошло в «Колесе», это, пожалуй, еще пока можно выяснить. Не каждый день у нас на улицах, а тем более в бистро, стреляют. Только прошу Старцева и Бушкина в «Колесе» не появляться. Вполне приметная пара, их могли запомнить. И вообще, по улицам тоже не ходите парой и подальше держитесь от Северного вокзала. Для прогулок лучше всего выбирать окраины. Район Монмартра, к примеру. Интернациональные кварталы. Там, как правило, мало полиции и всегда многолюдно. Вероятность привлечь к себе внимание ничтожна, а в случае чего – можно легко затеряться в толпе. Далее. Насчет «Колеса». Если бы Павел Андреевич владел французским, он мог бы сам туда сходить. Но, поразмыслив, даю ему в попутчики Илью Кузьмича. Он хоть и не подпольщик, но человек много пуганый, осторожный. И, тем не менее, попрошу: старайтесь не привлекать к себе внимание. Присматривайтесь, прислушивайтесь. Если выдастся возможность с кем-то поговорить – поговорите. Что еще могу посоветовать?

– Да чего уж тут, – вздохнул Болотов. – Приказ получен, будем выполнять.

– И последнее. У меня скопилось в эти дни много другой работы. Поэтому, прошу прощения, много времени уделять вам не смогу. Руководить вами будет Петр Тимофеевич. Его просьбы прошу считать моими приказами. По мере надобности он будет меня информировать о ваших успехах. Надеюсь, они будут.

Борис Иванович поднялся и, тяжело опираясь на трость, направился к выходу. Следом за ним проследовали Болотов и Фролов.

Кольцов остался со Старцевым и Бушкиным. Старцев после этой встречи, несколько приободрился, в глазах появился блеск. Кольцов понял, после дней уныния он теперь бросится к нему с вопросами. Будет допытываться обо всем, о его жизни, о делах на фронте, о знакомых и друзьях. Живя последнее время в Москве, он начисто оторвался ото всех, с кем его свела жизнь в бурные военные годы. Они остались где-то там, на Харьковщине и в Таврии. В первую очередь он, конечно же, захочет узнать, где и как живут теперь Красильников, Юра, Наташа. Скорее всего, одним из первых будет вопрос о дочери, о Наташе.

И Кольцов решил пока ничего ему не говорить ни о замужестве Наташи, ни о том, что зятем его стал белогвардейский офицер-артиллерист, друг и подчиненный кровавого генерала

Слащева, ни о том, что Наташа давно считает своего отца умершим от тифа. Время само подскажет, когда и как все это рассказать Ивану Платоновичу. Но только не сейчас. Потом...

Глава пятая

Павел проснулся от странного шума за окном. Не сразу понял, что это звук движущейся за окном людской толпы. Было еще темно, в окно ничего не просматривалось. Но если прислушаться, по неоднородным звукам можно было угадать, кто там идет. Вот тяжело прошаркали сапогами пожилые мастеровые, следом протопали ботинки торопящихся мелких служащих или студентов, дробно простучала каблучками стайка секретарш или продавщиц.

Под этот шум хорошо думалось. Нет, думал он не о поисках чемоданов. Хотя, конечно, будет стараться, будет помогать. Но не может представить себя тем человеком, который согласился бы взвалить на себя эти, как он вчера еще раз убедился, бессмысленные заботы. Без знания языка, он почти глухонемой. Этого достаточно, чтобы потерять веру в успех.

И все же, он – в Париже. Он не рвался сюда, но так распорядилась судьба. И мысли его все чаще возвращались к Тане. Вряд ли полковник Щукин надолго осел в Стамбуле. Павел знал, большинство русских, покинув родину, ненадолго задерживались в Турции. Они прилагали все силы, чтобы перебраться во Францию и там обосноваться. Щукин не стал исключением. Вероятнее всего, и он, и Таня сейчас находятся во Франции. Захочет ли он уйти в неизвестность и поселиться в каком-нибудь маленьком тихом городке? Таня – барышня на выданье. Полковник наверняка понимает, что для удачного замужества дочери необходим определенный круг общества, лучше всего парижский. Да и сам Щукин – человек с амбициями. Получивший в России бесценный опыт работы в контрразведке, он может за достойную плату поделиться им с Францией. Кто откажется от его услуг? Как крайний случай: в Париже находится российское посольство. И здесь тоже будут рады предложить ему должность, соответствующую опыту. Размышляя так, Павел почти не сомневался, что Таня вполне может быть сейчас здесь, в Париже. Она дышит тем же сладковатым, настоящим на увядающих осенних листьях, воздухом. Возможно, даже живет где-то совсем близко, ходит по тем же улицам, по которым предстоит несколько дней ходить ему.

Ну и что из того? Он – нелегал. Он – враг ее отца. И даже если встретит ее на улице, не имеет права ее окликнуть, ей открыться. Это если по государственным предписаниям. А если поступать, как велит сердце?

За окном уже совсем рассвело, на короткое время солнце осветило их уютное холостяцкое жилье, спящих товарищей. Схлынула торопящаяся на работу толпа, и теперь за окном только изредка мелькали изящные ножки и стучали торопливые каблучки. Кто они, эти пробегающие мимо их окна дамы? Куда спешат?

Болотов постучал в их дверь, когда все уже были на ногах. Бесшумно вошел, коротко оглядел их скученное холостяцкое жилище.

– Доброе утро! Доброе утро! – бодро их поприветствовал, – Как спалось? Какие сны снились?

– Это еще бабка надвое сказала, какое оно, это утро, – буркнул Бушкин.

– Не скажите, утро всегда доброе. Проснулся человек. Жив! Уже хорошо, уже добро, – не согласился с Бушкиным Илья Кузьмич.

– Ну-ну! Вот и поглядим!

Павел понял Бушкина. Утро, и верно, было доброе. А вот каким задастся день?

От их жилища на Маркс-Дормуа до улицы Паради они пошли пешком.

– Я думал, мы с утра пораньше, – сказал Павел. – У нас в России все добрые дела принято начинать с раннего утра.

– Франция – не Россия. Здесь свято блюдут утренний кофе, – объяснил Болотов. – В «Колесе», как и в других харчевнях, с утра большой наплыв посетителей. Обслуга занята. А ведь нам необходимо не просто там посидеть, но и, по возможности, что-то выведать.

Над входом в бистро «Колесо», помимо броской и весело нарисованной надписи, висело обычное колесо от старой деревенской телеги, которая прежде не один десяток лет потрудилась в каком-нибудь фермерском хозяйстве.

Зал тоже был круглый, вроде цирковой арены, видимо потому бистро и назвали «Колесо». Электрический свет днем в зале не зажигали, дневной же освещал только середину, оставляя по бокам уютный полумрак, где никуда не торопящиеся посетители могли скоротать немало времени за чашкой кофе и за беседой. Откуда-то из глубины бистро что-то душевное доносил граммофон. Народу в зале уже почти не было, лишь за дальним столиком, едва видимые, о чем-то шумно спорили четверо мужчин.

Это было не совсем обычное и довольно модное парижское бистро, точнее даже, некая смесь кафе и бистро. Оно работало едва ли не круглые сутки, было дешевым и располагало скромным, но и необходимым для проголодавшихся посетителей набором сытых блюд. Здесь предпочитали по-быстрому перекусывать шоферы такси, только что сошедшие с дальних поездов пассажиры и торопящиеся по своим делам горожане. Ближе к полуночи, когда зал пустовал, здесь подолгу засиживались клошары. В холодные осенние и зимние дни они здесь отогревались.

Особой достопримечательностью «Колеса» был закуток перед входом в зал, который называли гардеробом. Его обслуживал гардеробщик, одетый в сверкающую золотыми позументами униформу «а ля рюс». Это было удобство, которое особенно ценили только что сошедшие с дальних поездов пассажиры. Не нужно было тащить с собой в зал дорожную поклажу в виде чемоданов, саквояжей, сумок, коробок и пакетов.

Гарсон появился сразу, едва Кольцов и Болотов сели за столик.

– Два кофе, два круассана, – распорядился Илья Кузьмич.

И когда гарсон вернулся с заказом, Болотов жестом руки задержал его:

– Не найдешь ли для нас немного времени, чтобы ответить на несколько вопросов? – спросил он.

– В пределах меню, – дерзко ответил гарсон. Был он парень крепкий, мускулистый, со шрамами на лице, приобретенными явно не на светских раутах. «Колесо» – бойкая привокзальная харчевня, и, надо думать, ее основными посетителями являются отнюдь не прихожане ближайшей церкви Сен-Венсан де Поль. – Я не люблю отвечать на вопросы, которые не относятся к моей работе. Вы случайно не из полиции?

– Разве мы похожи на ажанов?

– Ажаны теперь тоже стараются все больше походить на простых работяг.

– Мы – корреспонденты.

Гарсон оценивающе посмотрел на обоих, по взгляду было видно, что он не поверил:

– Ну и где же ваши фотоаппараты?

– А разве я сказал, что мы фотокорреспонденты?

Гарсон какое-то время их молча изучал, и затем лениво произнес:

– Ну, выкладывайте вопросы.

– Не вспомнишь, что произошло у вас здесь в прошлую пятницу?

– Не помню. У нас здесь каждый день что-то происходит.

– Нас интересует именно прошлая пятница.

– Она интересует не только вас, но и ажанов. Но я был занят и ничего не видел.

Болотов демонстративно, но неспешно достал из кармана кошелек, стал его раскрывать. Гарсон наблюдал за его дальнейшими манипуляциями и при этом морщил лоб, изображая напряженную работу мысли.

Илья Кузьмич извлек из кошелька пятифранковую монету и положил ее на край столика, возле стоящего гарсона.

- Надеюсь, это несколько освежит твою память?
- Что-то припоминаю. Была драка с ажанами. Они прострелили Раймону ногу.
- Кто такой Раймон?
- Наш гердеробщик.
- И это все, что ты смог припомнить? Попытайся поподробнее.

Гарсон застыл и снова глубокомысленно задумался. Но оживился, едва Болотов выложил на стол еще один пятифранковик.

– Вообще-то драка была в гардеробной. А наша территория – от буфета до столиков и обратно. И все. Но я все же кое-что видел.

– Попробуй вспомнить, что было еще до драки?

– А ничего не было. Народу – никого. Лишь двое каких-то господ, не наших, не французов, сели за мой столик. Похоже, поляки.

– Почему ты решил, что поляки.

– Я тут разных людей навиделся. А эти и говорили между собой вроде как по-польски.

– Ну-ну! Дальше! – поторопил гарсона Болотов.

– Поели, выпили по три чашки кофе, исправно рассчитались и сидят. Сидят и сидят. Подумал, может, кого-то ждут. А потом зашли ажаны. Двое. Тоже выпили по чашке кофе. Но как-то торопливо. И вышли в гардеробную. Том все и началось.

– Сразу драка?

– Нет. Сперва с Раймоном поспорили. Ажаны хотели заглянуть в вещи посетителей, ну, тех, которые кого-то ждали. Устроить что-то вроде обыска. Книжечки свои показали, мол, «имеют право». Раймону все это не понравилось. Он только недавно из тюрьмы и, сами понимаете, пока еще не очень любит ажанов. Он сказал: вон сидят клиенты, с их разрешения делайте что хотите, а пока, дескать, я их вещи охраняю. А ажаны сказали, что у них есть подозрение, и они хотят убедиться. Ну, Раймон и убедил их, что в чужих вещах без спросу рыться не положено. Таким, знаете, шикарным хуком снизу, под ребра.

– Что за вещи у них были? – спросил Болотов.

– Саквояж.

– Один?

– Я так понял, что один. Может, и еще что-то было, больше никто ничего не упоминал. Ну, я сказал тем двум, что их вещами интересуются ажаны. Они занервничали. Мне-то, в общем, плевать на чужие неприятности, свои не успеваю пересчитывать. Но, с другой стороны, с какого перепугу я буду помогать полиции? И выпустил их через кухню. А сам вернулся в гардеробную, хотел помочь Раймону.

– Там все еще продолжалась драка?

– Орали друг на друга. Тот, которого Раймон уложил в нокдаун, оклемался и тоже стал наседать на Раймона. В гардеробной не особенно развернешься, а они – с двух сторон. Потом один схватил саквояж – и на улицу. Раймон решил, что это вор, и – за ним. И уже почти схватил его, как тот, что бежал сзади, выстрелил в Раймона. Они свернули в переулок, и там запрыгнули в автомобиль.

– Так, может, это действительно были грабители? Переоделись в ажанов и...

– Нет. Автомобиль был черный, полицейский.

– Что с Раймоном? Погиб?

– Ему прострелили ногу. Мы с буфетчиком отвезли его в госпиталь Ларибуассьер. Это тут рядом. А потом еще понаехали ажаны. Они искали тех посетителей, которых я выпустил. Все спрашивали, как они выглядели, куда пошли, особые приметы. Я-то их хорошо запомнил. Но с чего вдруг я стану помогать полиции? Я им сказал: один косой, другой хромой. Пусть поищут, – гарсон засмеялся, обнажив свои большие крепкие зубы. – Вот теперь уже все рассказал, – и,

привычным жестом деловито смахнув лежащие на столике франки, добавил: – Я вам тут на целую газетную страницу наговорил. Франков на сто.

– Не считай деньги в чужих карманах, – посоветовал ему Болотов. – До газетной страницы еще кое-чего не хватает.

– Все выложил. Как на духу.

– А про второй саквояж. Куда он делся?

– Вы опять за свое. Не было никакого второго саквояжа. Я все видел: тот бежал с одним, – и, подумав, добавил: – Может, Раймон знает больше?

– Говоришь, он в больнице?

– Дома. Кто нашего брата будет долго держать в больнице?

– Где он живет?

– Положите передо мной хоть сто франков, не скажу. Потому что не знаю.

– Может, хоть фамилию знаешь?

– Фамилию?.. Раймон... Рыжий Раймон. Откликается и просто на Рыжего, – и, словно что-то вспомнив, он бросил взгляд в ту часть зала, где совсем недавно из-за чего-то ссорились четверо парней. – У тех, что там сидели, надо было спросить. Его приятели. Но и они вряд ли что знают. Они ведь не дружат домами. По правде сказать, не у всех у них и жилье есть...

– Клошары, что ли? – высказал предположение Болотов.

– Не знаю. Может, и клошары. До тюрьмы Раймон постоянно водился с этой компанией. Они в основном тут на вокзале промышляют.

– Ну, спасибо тебе, – поднялся Болотов. – Если ты не против, я может, еще как-то найду, вдруг понадобится что-то уточнить.

Следом за Болотовым подхватился и все время молчавший Кольцов.

– Мне-то что! Заходите! – и гарсон вновь хохотнул, обнажив свои крупные зубы. – Но таксу повышу.

И уже когда они были у самого выхода, он остановил их.

– Подумал, если не скажу, буду потом жалеть, – решительно сказал он. – Вы лучше сюда не заходите. Не надо. Вас ищут, или, может быть, тех поляков. Ажаны по три раза на дню заходят и все спрашивают, не интересовался ли кто саквояжем? Я так думаю, никакие вы не корреспонденты. Я тех хорошо знаю, они у нас тут часто пасутся. И все же, вы отчаянные парни. Или сумасшедшие дураки. Чем вы занимаетесь, не мое дело. Но мне будет жаль, если вы окажетесь в тюрьме. Вы играете с огнем. Не надо. Он может сильно вас обжечь.

И уже больше не оборачиваясь, он ушел в глубину зала, к буфетной стойке.

А они... Они только сейчас вдруг поняли, в какую опасную переделку попали. Кольцов до настоящей минуты смотрел на все это довольно легкомысленно, глазами туриста. Это там, в России, он свободно ориентировался в происходящем, мог предугадывать всевозможные опасности и легко между ними лавировать. Здесь же для него все было чужое и непредсказуемое. Оставалось надеяться на Илью Кузьмича. Но его опыт был иной, кабинетный. Он хорошо ориентировался в запутанных финансовых делах, находил в них всевозможные подвохи, а иной раз и аферы. Но, живя длительное время в сытом благополучном Париже, огражденный от всех бед толстыми стенами своей банкирской конторы, он полностью утратил ощущение опасности. В живом, совсем не кабинетном деле, он оказался не лучшим помощником для Кольцова.

Фролов уже был на Маркс-Дормуа, когда они вернулись. Он их ждал, точнее, нетерпеливо ждал новостей. Старцева и Бушкина дома не было, они осваивали окрестности.

Болотов подробно рассказал о не слишком успешном посещении «Колеса». Хотя и те новости, которые они добыли, представляли интерес. И все же...

Все непонятнее становилась загадка одного саквояжа. Известно, что Старцев и Бушкин пришли в «Колесо» с двумя. Это, как пишут в учебниках арифметики, условия задачи. Один

оказался в руках тайной полиции Сюрте. Но где же второй? Какова его судьба? Никаких следов, даже намек. Но ведь где-то есть его след, кто-то владеет его тайной. Возможно, приоткрыть над ней завесу мог бы гардеробщик Рыжий Раймон. Но как выйти на него, не имея его адреса? И еще вопрос. Почему Сюрте проявила не свойственную ей робость и не арестовала курьеров? Почему была организована инсценировка банального ограбления? И была ли это инсценировка?

Похоже, имея на руках весьма сомнительную по тексту шифрограмму, в которой не было ничего конкретного, Сюрте действовала неуверенно, наобум. Не этим ли объясняются все нелепости и просчеты? Или здесь более хитроумная игра? Фролов въедливо вникал во все детали этой «саквояжной истории».

Вопросы, вопросы. Они нуждались в ответах, но как их получить? Особенно после предупреждения гарсона, что посещение «Колеса» может грозить им реальными неприятностями.

Вся эта история завязывалась в такой тугий узел, что развязать его без риска уже будет нельзя. Кольцов это понял. Но и отступить некуда.

Во время этого разговора Кольцова вдруг осенило. Он понял, почему в эти дни здесь, в Париже, появился Петр Тимофеевич Фролов. Конечно же, не из-за этих двух саквояжей, пусть даже с ценнейшим содержимым. Он был не тем человеком, которым бы из-за них рисковала Москва.

Всё случившееся в эти дни, вся эта саквояжная кутерьма – только на первый взгляд выглядела результатом мелкой ошибки Бориса Ивановича Жданова: забыл лишний раз перепроверить, отправлен ли кто на Северный вокзал для встречи курьеров. Всего-то! И покатился этот комок, прихватывая все новые горсти недоразумений и накладок, превращаясь в огромный ком, грозящий крупными неприятностями большому числу людей.

Проявилась в эти дни и еще одна, более крупная накладка, и она тоже в конечном счете тяжелой гирей упала все на этот же случай с чемоданами. Речь о шифрограммах. Есть разные способы проверки, не проник ли кто в твои тайны. Нелегалам это надо делать постоянно. Борис Иванович, из-за обилия навалившейся на него работы, на какое-то время ослабил контроль за своим небольшим, но довольно хлопотным хозяйством. В результате англичане уже несколько месяцев читали шифровки, которые слала Жданову Москва, но ничего полезного для себя пока не извлекли. Прочли англичане и шифрограмму с просьбой встретить невесту. Если бы в ней не была указана одна-единственная подробность «встретить на Северном», и эта шифрограмма, как и все прежние, осталась бы лежать в архивах Интеллидженссервис. Но поскольку эта подробность указывала на Париж и, вероятнее всего, адресовалась парижскому получателю, англичане переправили ее Сюрте.

Можно предположить, французы тоже отнеслись к шифрограмме с долей скепсиса, но на всякий случай все же решили «просеять» прибывающие на Северный вокзал варшавские поезда. К счастью, сделали это с некоторым опозданием. Это предположение было не единственным. Как было на самом деле, кто теперь узнает? Важно лишь то, что курьеров своевременно не встретили. Но, в результате, дальше произошло то, что произошло. Пока курьеры сидели в «Колесе», французская полиция взяла под подозрение многих пассажиров варшавских и берлинских поездов, распотрошили десятки чемоданов, баулов и саквояжей. И лишь на излете этой операции уставшие чиновники Сюрте, безо всякой уже надежды, решили проверить ближе к Северному вокзалу быстро «Колесо». Слепой случай вывел их на саквояж-пустышку, который числился за Бушкиным. Второй же саквояж таинственно исчез.

Таких накладок у Жданова, более и менее крупных, оказалось за последнее время немало. В Москве все чаще стали думать о том, что умному и преданному Советской России Борису Ивановичу Жданову пора уходить на покой. Он постарел и устал. И, как результат, все чаще совершает ошибки, которые в череде быстротекущих событий бывает трудно исправить. И, как это ни печально, надо было выводить Жданова из этой опасной игры и внедрять

в парижский дом нового, более молодого и энергичного человека. Кольцов знал, на эту роль давно готовили Петра Тимофеевича Фролова. С легкой руки Жданова и при его помощи он в свое время стал Василием Борисовичем Федотовым, основал в Стамбуле филиал банкирского дома «Жданов и К». В короткие сроки Федотов (он же Фролов) зарекомендовал себя как смелый финансист. Его дружбы и благорасположения добивались многие высшие белогвардейские чины. Иногда к его советам прибегал даже сам главнокомандующий, Петр Николаевич Врангель. По авторитетному совету Фролова он держал свои немалые капиталы в Париже, в банке Бориса Ивановича.

Многое из этого Кольцов знал из рассказов самого Фролова. Что-то Павлу поведал Тихонов, с которым он почти трое суток провел в дороге сюда, в Париж. Как выяснилось, он тоже давно и хорошо знал Фролова.

Припомнив все, Кольцов пришел к выводу, что нынешнее появление Петра Тимофеевича Фролова здесь, в Париже, было отнюдь не случайным. Вероятно, наступило для него то самое время больших перемен, к которому его столь долго готовили. И, судя по всему, ему уже в ближайшие дни предстояло переселиться из стамбульского отеля «Пера Палас» в один из фешенебельных парижских отелей где-нибудь на Риволи или на Елисейских Полях.

Размышляя так, Кольцов понимал, что у него есть только одно решение. Единственное. Всю работу по поиску исчезнувшего саквояжа он должен взвалить на себя. И отвечать за все свои решения и поступки тоже обязан будет сам. Хотя с трудом представлял себе, как все это будет выглядеть, если отказаться от услуг Болотова.

Когда стемнело, вернулись со своих прогулок Старцев и Бушкин. Соблюдая совет Жданова, они гуляли порознь. Первым пришел Старцев. Он поздоровался и тут же затих в своем углу. Чувствовалось, он уже устал от безделья, но терпеливо и безропотно его сносил.

Вернувшийся чуть позже Бушкин несколько раз взволнованно прошелся по комнате и, заметив обращенные на него взгляды, ворчливо заговорил:

– Я думал, Франция – ух, ты, мать честная! А она – извините! Правда, на каждом углу: «либерте, эгалите, фратерните». Свобода, одним словом. А на самом деле – брехня! Клошаров этих ихних – море. Дома похожи на наши божедомки. Помои прямо на улицу льют, – и решительно добавил: – Нет, надо что-то делать. По горячему надо, пока еще помнят Парижскую коммуну.

– Давайте, Бушкин, пока у себя до конца разберемся, – попытался утихомирить морячка Фролов.

– Это понятно. Но и затягивать нельзя.

– Вы чего это взбунтовались, Бушкин? – миролюбиво спросил Кольцов.

– Домой хочу. Своих дел невпроворот. Надоели эти капиталистические курорты!

Проводить Илью Кузьмича пошли Фролов и Кольцов. А потом, когда они остались одни, Фролов предложил немного прогуляться по тихому в эту позднюю пору бульвару ла Шапель.

Шли медленно.

Павел ждал, что Петр Тимофеевич более подробно расскажет ему о своем новом назначении. Ему хотелось проверить, верна ли его догадка. Но Фролов молчал, о чем-то сосредоточенно думал.

Прислонившись к стенам домов, целовались парочки. Легкий теплый ветерок перебирал листья каштанов. Не в пример Москве, здесь они еще прочно держались на ветках, их пока еще только едва заметно тронула осенняя позолота, но, уже слегка подсохшие, они издавали тихий жестяной звук.

После длительного молчания Фролов словно вернулся из забвения. Заговорил совсем не о том, о чем хотел услышать Павел.

– А ведь вы, братцы, сегодня оказались на грани провала.

– Да, – согласился Кольцов. – Я поздно понял, что слишком доверился Болотову.

– Вот этого не надо! – недовольно поморщился Фролов. – Тебя с твоим-то опытом это нисколько не оправдывает. Пианист играл, как умел. А вот то, что ты расслабился, это не простительно, – жестко сказал он.

– А как еще можно было иначе?

– Когда человек собирается искупаться в незнакомом месте, прежде всего он осторожно проверяет глубину. А ты сразу бултыхнулся.

– Я здесь, в Париже, как рыба на песке. Это не моя стихия. Ажаны, гарсоны. Ни черта не понимаю! – зло сказал Павел. – Мне хотя бы недельку на акклиматизацию. Да только где ее взять, эту самую недельку? Или хотя бы пару деньков, для ускоренного, так сказать, курса. И тех нет.

– Рассуждаешь правильно. Нет у нас времени на ликбезы. И я тебе, к сожалению, не помощник. Я так понимаю, ты уже догадываешься, почему.

– Приблизительно. И каким способом это будет сделано? Как выведут из игры Бориса Ивановича?

– Статус Бориса Ивановича не изменится. Но поскольку объем работ с каждым годом увеличивается, я оставляю стамбульский филиал на надежного человека, а сам уже здесь вступаю в права совладельца. Иными словами, буду правой рукой и помощником Бориса Ивановича. Он – один из крупнейших финансистов, такие, как он, не уходят на покой. Порой один его совет из нескольких слов стоит миллионов франков. Я же сниму с него часть колоссальной нагрузки и, возможно, иногда в чем-то подстрахую. Теперь, надеюсь, ты понимаешь: мне никак нельзя рисковать, в том числе и вплотную заниматься этим саквояжем.

– Чего ж тут непонятного. Все это сваливается на меня, – печально согласился Кольцов. – Я не возражаю, и даже начал свыкаться с этой мыслью. Но я действительно совершенно не разбираюсь в этой чертовой заграничной жизни. Могу упасть там, где обычный француз даже не поскользнется.

– У тебя есть блестящий помощник. Да-да, я имею в виду Болотова.

– Ну да. Только сейчас, в это самое время, мы по его милости уже вполне свободно могли бы изучать методы допросов французской тайной полиции, – раздраженно сказал Кольцов.

– Это потому, что ты использовал его неверно. Он – блестящий переводчик. Он – добросовестный исполнитель. Он – осторожен. У него не слишком запоминающийся облик, что в нашем деле неопределимое достоинство. И еще! Прожив здесь едва ли не половину своей жизни, он легко в ней ориентируется, – загибая пальцы, Фролов ворчливо перечислял достоинства Болотова. – Но он – всего лишь твой помощник. И только! Это ты должен был все продумать, прежде чем направляться в «Колесо». А скорее всего, надо было послать туда его одного. Ты же какого-то черта сам сунул туда, засветился. А ваша легенда? Более дурацкую трудно придумать. С такой вы бы и в России на раз провалились.

– Нормальная легенда. Корреспонденты, как известно, гонятся за новостями, ради них куда хочешь могут вломиться, что хочешь – выпытать.

– Ты только, пожалуйста, не путай корреспондентов и репортеров скандальной хроники.

– Документы, как вы понимаете, мы не предъявляли. Просто представились корреспондентами. Как еще можно было выяснить, что там, в том кабаке, тогда произошло? – насупленно пытался доказать свою правоту Павел.

– Ты хоть что-нибудь знаешь о репортерах скандальной хроники?

– Дважды встречался с одним нахальным английским репортером, помнится, из газеты «Таймс». Это в Киеве было, потом в Харькове. Дотошный, гад. Он меня в красноармейской робе сфотографировал, а в Харькове потом чуть не завалил. И еще что-то читал про корреспондентов. «Мартин Иден», кажется. Он тоже одно время был каким-то репортером.

– Репортеры скандальной хроники, Паша, это особая каста корреспондентов. Они – волки-одиночки. Да-да! Специфика вида деятельности. Исключительно поодиночке рыщут в поисках добычи. У них нет напарников. И свою добычу они ни с кем не делят. А вы туда – вдвоем. Не по уму это, Паша.

– Да когда ж там было думать? Чуть не у входа в «Колесо» мы все решили, – и Павел вновь нахмурился, сердито продолжил: – Когда вы меня к Ковалевскому забросили, мне ни в кого не нужно было перевоплощаться. Я – офицер, я учился в офицерской школе, я знаю, что, где и как может сказать и поступить офицер. А здесь оказался без всякой защиты. Чего ж тут удивляться, что едва не провалился. Мне начинает казаться, что я у нас там кому-то чем-то помешал, вот меня и кинули сюда на закляние!

– Глупости. Хотя, конечно, тебя послали от отчаяния. Тот, кто рекомендовал тебя, был твердо уверен, что ты сумеешь на месте сориентироваться. Согласен, дело авантюрное. Но будь я на месте Дзержинского или еще кого-то, я тоже послал бы тебя.

– Спасибочки, – шутовски поклонился Кольцов.

– И, пожалуйста, давай прекратим этот разговор, – твердо предложил Фролов. – Ты – в Париже. Тебе поручено дело, и его надо выполнять. У тебя отличный помощник. Только, пожалуйста, не иди у него на поводу. Думай. И за себя и за него. И не допускай легкомысленной самодеятельности.

– Я думаю. Все время думаю, – Кольцов поднял глаза на Фролова и с какой-то беспомощностью добавил: – У меня такое ощущение, будто меня возвели на эшафот и на мою голову вот-вот опустится нож гильотины.

– Чисто французское ощущение, – скупно усмехнулся Фролов.

– В самом деле: я бессилен. Я ни до чего не могу додуматься, – в отчаянии сказал Кольцов. – Полагаю, мы в тупике. Выхода не вижу. Или его нет.

– Такого не бывает, – не согласился Фролов. – Надо бы как-то осторожненько поговорить с гардеробщиком... как его?

– С Рыжим Раймоном? Думал. Его адреса у нас нет. Где искать – неизвестно. Когда выйдет на работу, тоже вопрос.

– Думай, Паша! И рад бы тебе помочь, да не могу. Своих головоломок хватает. И, порой, довольно опасных.

Павел вопросительно посмотрел на Фролова.

– Ну, к примеру. Мне не нравится моя недавняя встреча здесь, в Париже, с этим... графом Красовским или как там его.

– Мироновым, – подсказал Кольцов. – Юрием Александровичем Мироновым.

– Он для меня опасен уже хотя бы тем, что я не знаю, как он может в дальнейшем себя повести. Он ведь еще по России знает, кто я. И этого достаточно, чтобы сдать меня тайной полиции. А я вот плохо знаю, каков его статус в этой стране, с кем он общается. Я все время буду вынужден его бояться.

Они развернулись, пошли обратно. Тускло горели на бульваре электрические фонари, образуя на тротуаре световые овалы. И они шли, то ныряя в темноту, то возникая в очередном световом пятне. Молчали.

Кольцов вдруг остановился. То же сделал и Фролов.

– А как его можно найти?

– Кого? – не сразу понял Фролов.

– Миронова.

– Зачем? Тебе не хватает своих хлопот?

– Миронова я хорошо знаю. В свое время я в чем-то ему помог, а однажды даже спас от смерти.

– Это было давно. И не в Париже. Люди меняются.

– Вот я и хотел бы узнать, кто он теперь и как изменился.

– Насколько я помню свою давнюю с ним встречу – это было в Севастополе, – он каким-то боком был связан с белогвардейской контрразведкой. Поэтому я и подумал, что его надо опасаться.

– Он – мой должник, – настойчиво произнес Кольцов.

– Ну и что? Такие люди редко отвечают добром на добро. – Фролов все еще не понимал, к чему ведет Павел, зачем ему нужна эта, вполне возможно, опасная встреча. – Вот что! Я не хочу, чтобы ты брал на себя мои заботы. Попытаюсь справиться сам.

– Но вы ведь не исключаете мою случайную встречу с ним? – продолжал настаивать Кольцов.

– Допустим. Ты уверен, что он после вашей встречи не пойдет в полицию?

– После вашей встречи ведь не пошел.

– Еще не знаю.

– Вот я и хочу достоверно узнать, пошел или не пошел, пойдет или не пойдет.

– Как?

– Не знаю. Наверное, что-то пойму после встречи.

– И что потом?

– Потом... потом мы, возможно, исключим эту опасность.

– Или не исключим? – хмыкнул Фролов, как бы подчеркивая всю нелепость предложения Павла. – А если не исключим, что предпримем?

– Не знаю, – сказал Кольцов. Он не собирался отказываться от своего предложения и поэтому упрямо повторил: – Пока не знаю.

Глава шестая

Париж трудно представить без шумных и пыльных «блошинных рынков». Обычно рынки рождаются стихийно, и вряд ли кто припомнит виновников их создания. Но если парижане когда-нибудь захотят увековечить имя виновника всех парижских «блошинных рынков», то это, конечно же, будет памятник известному историку и политику Луи Адольфу Тьеру.

В середине восемнадцатого века крайне обострились отношения между Францией – с одной стороны, и Англией, Пруссией, Австрией и Россией – с другой. На осенней сессии парламента в 1840 году тогда министр иностранных дел Луи Тьер, опасаясь иностранного вторжения, предложил построить вокруг Парижа укрепления. Он беспокоился, чтобы столица Франции была неприступной для врага. Король Людовик-Филипп, питавший к Тьеру давнюю антипатию, тем не менее, счел предложение разумным, и буквально за год укрепления были построены.

И тут же за внешними стенами укреплений стали селиться бедняки. Бедность рождает нищенские, убогие рынки, куда голодранцы, в надежде заработать несколько су, потащили всяческое старье, свое и ворованное. Даже самый бедный человек может отыскать здесь то, что ему необходимо и доступно по цене. Здесь можно купить старую, ношеную одежду и искореженные башмаки с протертыми подошвами, детскую коляску и самодельную, грубо сколоченную мебель, старые вытертые ковры и посуду, немало потрудившийся на своем веку столярный инструмент и примусы, керосинки и канделябры, керосиновые лампы и подсвечники. Случайно можно набрести и на какую-нибудь занятную диковинку, вроде живого попугая, шарманки, дуэльного пистолета, редкой монеты или антикварной книги.

Здесь всегда многолюдно. Основными его посетителями являются небогатые парижане, они как старатели в Клондайке, роются в кучах тряпья, выискивая что-то нужное для себя. Любители антиквариата и глубокой старины приходят сюда в надежде найти что-то редкое, необычное. Приезжие приходят просто так, как в некий музей под открытым небом, подышать пылью бедности и старины. Не потому ли эти рынки приобрели пренебрежительно-оскорбительные названия «блошинных»? В Париже их несколько, и все они в основном размещаются подле стен старинных укреплений, опоясывающих город.

Рынок, на котором Фролов некогда встретил Миронова, находился возле окружной железной дороги у заставы Монтрее. Его Кольцов нашел без труда, поскольку с раннего, моросящего туманом, утра сюда тянулись парижане, но еще в двух кварталах от него вдоль дороги бойкие молодые люди, обращая внимание на свой товар громкими выкриками, торговали всякой мелочью.

Чем ближе к рынку, тем теснее становилась толпа. Проникнув через ворота, она растеклась по рядам. Фролов не смог рассказать Павлу, где, в каком ряду, в каком уголке рынка он встретил Миронова. Да и как можно в этой путанице торговых рядов кого-то найти?

Толкаясь, протискиваясь сквозь галдящую толчею, Павел дважды обошел выгороженные торговыми стойками, ящиками, коробками узкие лабиринты рыночных улочек. До боли в глазах всматривался в лица, но так нигде и не увидел Миронова. И лишь когда уже совсем отчаялся и собрался покинуть рынок, у самого выхода его внимание привлекло небольшое, но слишком оживленное скопление народа, словно там торговали каким-то редкостным товаром. Из чистого любопытства он вклинился в эту толчею, и в самом ее центре увидел Миронова. С трудом узнаваемый, худой, небритый, в просторном, явно с чужого плеча макинтоше, он что-то выкрикивал на-французском. Потом над чем-то склонялся и через какое-то время опять поднимался над толпой и вновь произносил свою, непонятную Кольцову, пламенную речь.

Протиснувшись поближе к центру, Павел увидел, что для своего выступления Миронов встает на складной стул. Внизу, на небольшом круглом столике, некогда служившем в богатом

доме подставкой для цветочного горшка с пальмой или фикусом, стояли, перевернутые вверх донцами... три крохотных металлических стаканчика.

Так вот какой нынче бизнес у русского дворянина Юрия Александровича Миронова в славном городе Париже. Наперстки. Древняя шулерская игра. Прежде там, в России, Миронов промышлял с помощью рулетки. Тоже обман. Но все же занятие не столь унижительное. И вот теперь наперстки – следующая ступень падения.

Павел без труда угадал, какие слова выкрикивал на-французском Миронов. Вспомнил те же самые зазывные речи на российских базарах и ярмарках:

– Кручу-верчу, деньги плачу! Подходи, кто везучий. Не вынимаю деньги из кармана, проверяй, тут все без обмана!

Павел постоял немного, прячась за спинами. Решил пока себя не обнаруживать. В этом, замешанном на шулерстве, занятии можно было ожидать всякого. Да и русский язык привлек бы к ним внимание любопытных.

Серое утро перешло в такой же хмурый, затянутый низкими тучами, день.

Понаблюдав немного, Павел вновь пошел по рынку, теперь больше для того, чтобы скоротать время. К обеду торговля здесь заканчивается. Завершит свое занятие и Миронов. И тогда Павел сможет подойти к нему. Если, конечно, тот будет один, что мало вероятно. Павел знал: как правило, наперсточники не работают в одиночку.

Но завершилось все куда быстрее, чем Кольцов предполагал. Сделав небольшой круг по рынку, он вернулся. И застал там, в центре круга, где совсем недавно «выступал» Миронов, какую-то свалку. В воздухе мелькали кулаки и перекошенные злые лица. Несколько раз на какое-то мгновение над толпой поднимался что-то кричащий Миронов, но его тут же сбивали с ног, и он исчезал, словно нырял в бурный водопад. И вновь мелькали в воздухе кулаки и разносились над толпой гневные выкрики.

Наконец, страсти поутихли. За рыночную ограду из металлической сетки полетел стул Миронова, следом рядом с ним приземлился изуродованный в драке столик. Потом толпа расступилась, и сквозь этот людской коридор двое крепких парней с силой вытолкали за ограду и самого Миронова.

Видимо, на «блошином рынке» такое не в редкость, потому что очень скоро и зеваки и участники потасовки разбрелись по своим делам. Миронов не вернулся на рынок, но и не ушел домой. Он поднял свой стул, аккуратно поставил его рядом с лежащим на земле столиком, удобно и основательно на него уселся, положив ноги на столик. Достав из кармана макинтоша коробку папирос, он неторопливо, с каким-то злорадным вызовом, закурил.

Мимо шли люди, теперь уже в основном покидающие рынок, но никто не обращал на него никакого внимания. Он тоже не смотрел по сторонам. И даже когда к нему подошел Кольцов, Миронов нисколько не удивился, будто они расстались только вчера. Он лишь коротко взглянул на Кольцова, понял, что тот был свидетелем его шулерской неудачи, и зло сказал на русском:

– Лягушатники, заразы! Жмоты!

Павел промолчал.

Миронов тоже не стал продолжать. Молча докурил папиросу, зло отбросил окурочек и лишь после этого снова заговорил:

– Интересный факт. Каждый раз, когда я встречаюсь с вами, у меня обязательно случаются какие-то неприятности. Вы не можете мне это как-то объяснить?

– У вас плохая память, Юрий Александрович, – возразил Кольцов. – Вы, действительно, не очень везучий, и насколько я помню, мне каждый раз приходилось вас выручать. Вспомните хотя бы нашу последнюю встречу под Апостолово.

– Еще бы! Там вы отобрали у меня волов, телегу и семь мешков соли.

– Вам тогда грозил расстрел, не так ли? И я вас спас.

– Лучше б вы меня тогда расстреляли. После нашей встречи я приехал в Одессу в чем мать родила. Нет, на мне были брюки, в них были карманы, но в карманах гулял ветер. Вы знаете, что такое в Одессе человек без копейки за душой. Полный инвалид. А Одесса теперь уже совсем не тот Клондайк, где всегда можно было намыть немножко золота. А кушать почему-то хочется каждый день. Что было делать? Я нанялся в мастерскую к Зяме Крикману ремонтировать замки. Вы же знаете, замки – моя профессия. Но за две недели никто не пришел ни с одним замком. Вместо замков в Одессе в моде теперь шпалеры. Приходят бандиты и, чтобы войти в квартиру, просто стреляют по замкам. Милиционеры, те тоже перестали тратиться на патроны: стучат и тут же высаживают дверь. Похоже, советская власть проводит на одесситах опыт: приучает их жить по заветам товарища Карла Маркса. Тот в какой-то своей книжке написал, что при коммунизме не будет ни замков, ни денег. Все общественное: заходи к кому хочешь, бери что хочешь.

Миронов снова нервно закурил и надолго замолчал, все еще переживая свою неудачу.

«Блошинные рынки» в Париже заканчивают свою работу задолго до «дине», который здесь совмещает поздний обед с ужином. Покидая рынок, мимо них шли уже поредевшие посетители.

Несколько парней, заметив сидящего на своем «троне» поверженного короля наперсточников, о чем-то заспорили, потом один из них размахнулся и что-то бросил в их сторону. У ног Миронова упали и, тускло поблескивая, раскатились три металлических стаканчика. Миронов неторопливо поднялся и, по-французски что-то выкрикнув в сторону своих обидчиков, подобрал их. Незлобиво объяснил Кольцову:

– Босяки. Такие же, как в Одессе, – и, бережно вытирая стаканчики полой своего макинтоша, продолжил: – У этих стаканчиков волшебное свойство: третий раз ко мне возвращаются. В Стамбуле, этой вавилонской башне наших дней, я по забывчивости оставил сумочку с ними на городской скамейке. И что вы думаете? Какой-то добрый человек догнал меня и вернул. В Марселе у меня украли саквояж. Все пропало. Их я случайно нашел на барахолке и выкупил. И вот сейчас... Я верю, они приносят мне счастье.

– Сегодня я это заметил, – скупно улыбнулся Кольцов.

– Издержки ремесла. Знаете, с возрастом стали хуже слушаться пальцы. Между ними я прячу шарик. Ну и не удержал, – чистыми детскими глазами глядя на Кольцова, объяснил Миронов. – Кубачинская работа. Между прочим, память о Доренгольце. Не знаете, жив ли? Вы ведь, как я понимаю, недавно оттуда?

Этот вопрос заставил Кольцова насторожиться. Хотя из всей этой мимолетной встречи он уже сделал для себя определенный вывод: Миронова не следует опасаться. Будь он хоть как-то связан со спецслужбами, вряд ли принял бы на себя, даже во имя дела, такое малопочтенное и отторгаемое обществом занятие, как наперстки. Оно не позволяет накоротке общаться с людьми, и, стало быть, шансов заполучить какую-то нужную информацию равна нулю. Какой спецслужбе нужен такой сотрудник?

О его бедственном положении свидетельствовали также и его затрапезный вид, и неухоженность. И все же, решил Кольцов, осторожность не помешает.

– Давно, – ответил он. – Пересмотрел свои взгляды.

Миронов хитровато посмотрел на Кольцова:

– Павел... запомятовал... кажется, Андреевич. За свою ломаную жизнь я немного научился распознавать людей. Вы – из тех, кто скорее пойдет на плаху, чем сменит свои взгляды. Но вам не следует меня опасаться. Если вам так нужно, я вас никогда прежде не видел и не знаю. Но, если вдруг понадобится, буду рад вам услужить. В память о прошлом, – он извлек из кармана папиросную пачку, машинально сунул в нее пальцы, но она была пуста. Сердито скомкав, зашвырнул ее в кусты и вновь вернулся к прерванному разговору. – Вам, наверное, интересно, кто я сейчас? Никто. Ноль. Но все же мечтающий стать хотя бы единицей.

Не скрою, я бежал сюда от разоренной и разграбленной России. Белые, красные, капиталисты, социалисты. Я не настолько умный, чтобы разобраться во всей вашей кутерьме. Думал, здесь найду счастье.

– Нашли?

– Сами видите. Париж, знаете, не тот город, где всем живется хорошо. И Франция – не та страна...

Миронов говорил торопливо, захлебываясь словами, словно боялся, что Кольцов уйдет, не дослушав его до конца. Похоже, он давно носил в душе эту путаную сбивчивую речь, да только до сегодняшнего дня не находил способного понять его слушателя.

– Бедным здесь также плохо, как и в России. Им везде плохо. Один мой знакомый клошар все выпрашивал у меня: что такое Россия? Я спросил у него: зачем это тебе? Он сказал: у нас лозунги, а у них на деле скоро будет свобода, равенство и братство. Он сказал, что хочет поехать в Россию, чтобы умереть там на баррикадах. Я сказал ему: дурак, у них там нет баррикад, тебя убьют где-нибудь в подворотне или на какой-нибудь мусорной свалке. Я давно его не видел, наверное, уехал. А я подумал: если он – француз – поехал, почему же я – русский – сижу здесь? Да, она нищая, голодная, больная, но это же моя Родина. Она – как мать. Простите за такие высокие слова. Я их произношу, кажется, впервые в жизни. Смешно, не правда ли? Шулер, наперсточник – и такие слова! Но я имею на них право: я их выстрадал. Даст Бог, это не последняя наша встреча. Может, еще свидимся, – и со значением добавил: – Даст Бог, в России?

– Сейчас самое время возвращаться. Война кончается.

– Я об этом все чаще задумываюсь, – согласился Миронов. – Но нужны деньги. Немалые деньги.

– Боюсь только, это почтенное ремесло, – Кольцов указал глазами на стаканчики, которые Миронов все еще держал в руках, – оно не принесет вам много денег. Может, есть смысл вернуться к более верному заработку, скажем, к тому же ремонту замков?

– У вас тонкий юмор, Павел Андреевич, – печально улыбнулся Миронов. – Здесь, в Париже, таких умельцев, как я, куда больше, чем самих замков. Или вы намекаете на мое давнее пристрастие? Не смешите меня. Париж с незапамятных времен поставляет медвежатников всему миру. И поверьте, я не самый лучший из них. Тогда в сейфе генерала Слащева стоял довольно примитивный двухцилиндровый замок системы Брама, и то с меня сошло семь потов, пока я его вскрыл, – он решительно покачал головой. – Нет. Об этом грустно говорить, но все в прошлом. Не те глаза, не те руки, не тот слух.

Кольцов не раскаивался, что решился на эту встречу с Мироновым. Она многое прояснила. Он и по сей день оставался таким же бродягой и авантюристом-романтиком, каким был и прежде, там, в всклокоченной и вздыбленной России. Растерявшееся дитя жестокого времени, он, вопреки всем житейским невзгодам, все еще не опустил в отчаянии руки, продолжал надеяться на добрые перемены и наивно верил в чудеса.

Они попрощались. Миронов вновь, словно утопающий, который боится выпустить из рук спасительный круг, с надеждой повторил:

– И все-таки, если когда понадобится, можете найти меня вон в той кафешке, – он указал на стоящее сразу за пустырем здание с двумя башенками. – Я в ней всегда обедаю. Там хорошо кормят и вполне сносно по цене.

Уже отойдя на приличное расстояние, Кольцов обернулся. Миронов по-прежнему печально стоял над своим, выброшенным за ограду «блошиного рынка», имуществом. Заметив, что Кольцов обернулся, взмахнул ему рукой.

Вечером в их полуподвальную келью на Маркс-Дормуа приехал Фролов. Перекинулся несколькими словами с Кольцовым, Старцевым и Бушкиным. Старцев и Бушкин только что

вернулись домой. Освоив окраины, они впервые отправились в путешествие в центр города. Ходили, как и велел им Фролов, поодиночке.

Бушкина раширало от впечатлений, которыми он тут же поделился со всеми:

– Люди, население, то есть, мне понравилась. На наших, на россиян, очень схожи, только и того, что говорят не по-нашему. Но какие-то все невеселые. И то понять можно. Церквей, костелов по-ихнему, полно. Религиозная пропаганда, видать, на высоте. Я так думаю, до коммунизма допускать их еще рано. Должно, во вторую очередь поставили.

– Кто? – улыбнулся Фролов.

– Известно кто. Вожди мирового пролетариата товарищи Ленин и Троцкий. Я товарища Троцкого не один раз на митингах слушал, все его мысли наизусть изучил. Он так прямо и говорил, дескать, покончим революцию у нас дома, и тут же за других, менее сознательных, возьмемся.

– Это как же? Снова воевать? – опять спросил Фролов.

– Совсем даже не обязательно. Тогда уже и без войны можно. Поглядят они на нашу Советскую Россию, а у нас сплошная радость и всенародное богатство. И им такого захочется. Все остальное доделает агитация. Агитпоезда, к примеру. В костелах можно театры устроить. У товарища Троцкого этот вопрос хорошо продуман. Агитация на раз религию задавит. И народ сам, без всяких войн, постепенно в коммунистическое сознание втянется.

– Ну, какая стройная у вас теория, Бушкин, – с ироничным восхищением покачал головой Фролов.

– Это не у меня. Это у товарища Троцкого, – сказал Бушкин и поднял глаза на Фролова. – А что, товарищ Фролов, вы все это как-то по-другому представляете?

Фролов не успел ответить. Разговор прервался с приходом Болотова. Начали подводить итоги дня.

Успехи у Ильи Кузьмича были более чем скромные. Точнее, успехов просто не было. Найти кого-нибудь, кто бы хорошо знал Рыжего Раймона, ему не удалось. Напуганный вчерашним предупреждением гарсона и помня приказ Фролова, Болотов в «Колесо» не заходил. Наблюдал за входом издали. По каким-то своим соображениям выделял выходящих из бистро посетителей, какое-то время следовал за ними и затем пытался вступить в разговор. К его огорчению, большинство из них оказались случайными посетителями «Колеса». Несколько завсегдатаев ничего не слышали об интересовавшем Болотова происшествии. А трое клошаров, признав в нем полицейского, едва не поколотили.

– У того, чем вы, Илья Кузьмич, сегодня занимались, есть хорошее определение: самодеятельность. А если еще точнее: напрасная трата времени, – выслушав безрадостный рассказ Болотова, мрачно сказал Фролов. – Завтра-послезавтра это может кончиться для вас печально. А, может быть, и для всех нас.

– Но как еще можно отыскать этого... Рыжего Раймона? С кем-то же он общается, где-то живет, – упавшим голосом ответил Болотов. Он и сам уже понимал, что делал что-то не так, и день пролетел впустую. – Обслуга «Колеса» запугана. Они больше не вступают в разговоры, А то, глядишь, могут и полиции сдать. Я не знаю, что можно еще придумать?

– Не занимайтесь больше этим. Не нужно.

– Вы отстраняете меня? – огорченно спросил Болотов.

– Нет, конечно. Просто нужно поискать другой путь.

– Извините, я много думал об этом. Путь, к сожалению, только один. Если мы и узнаем что-то полезное для нас, то только от Рыжего Раймона. Если же и он ничего не знает или промолчит, то это тупик, – повысив голос, энергично возразил тишайший Илья Кузьмич и, словно испугавшись этого своего бунта, тихо добавил: – А время идет.

– Вы совершенно правы, дорогой Илья Кузьмич. У этой операции, как и в любой непростой математической задаче, много неизвестных. Я даже не до конца уверен, что ее можно решить. И те, кто продумывал ее еще там, в Москве, тоже, думаю, не очень верили в успех.

– Что вы! Что вы! Как можно так думать! Это же миллионы франков! Это такие деньги, которые можно бы было всех этих... с потрохами... – не мог успокоиться Болотов. В нем заговорила душа финансиста, и он даже мысли не хотел допускать о возможности поражения.

Кольцов молча слушал эту перепалку. Он тоже, как и Фролов, понимал всю непродуманность порученного ему дела. Понимал еще там, в России. И если бы не был втянут в эту «бриллиантовую дипломатию» дорогой ему человек Иван Платонович, он сумел бы отказаться от такого сомнительного предложения. На самый крайний случай пошел бы к Дзержинскому. Тот понял бы его.

Но ведь не пошел же! Но ведь согласился! И теперь, как человек, привыкший до конца выполнять приказы, внутренне сопротивлялся даже сомнениям Фролова. Понимал, что Болотов действовал как дилетант, опираясь на свой опыт. Но ведь это не его вина, что нужного опыта у него не было.

Фролов же словно почувствовал это сопротивление, исходящее от Кольцова, перевел глаза на него и настойчиво спросил:

– Ну а ты, Паша! Что ты думаешь?

– Думаю, – уклончиво ответил Кольцов. – Неохота поддаваться панихидачному настроению.

– Ты так меня понял? – удивился Фролов.

– Я и сам думал так же, как и вы. Еще совсем недавно. А сейчас... что-то в душе сопротивляется, – поддержал Болотова Павел.

– Ну что ж. Это мне нравится, – сказал Фролов. – Я ведь тоже стараюсь не терять надежды. Но, к сожалению, для чего-то мы не додумались, что-то не учли. А ведь где-то он лежит, ответ на эту задачку. Найдем ли? И тут прав Илья Кузьмич, наш главный враг сейчас: время. К сожалению, оно работает против нас.

В продолговатое окошко их комнаты вливались серые сумерки. Мелькали за окошком ноги, звучало равномерное «шар-р, шар-р». Парижане спешили в свои квартиры, к своему вечернему «дине».

Там, на улице, текла жизнь. Здесь же, в их келье, все остановилось, замерло. Их могла расшевелить только какая-то новая мысль, идея, пусть даже самая сумасбродная. Но все молчали.

– Я сегодня видел Миронова, – нарушив длительное молчание, напомнил Фролову Павел.

– Да? Ну и какое впечатление? – тусклым голосом, больше из вежливости, спросил Фролов. Его совершенно не интересовал этот бывший его соотечественник, если бы не мысль об угрозе, которая могла исходить от него. Опыт подпольщика говорил Фролову, что он должен хорошо изучить Миронова, чтобы затем навсегда забыть о нем, либо уже в ближайшие дни предпринять какие-то решительные действия.

– Полунищий, во всем разуверившийся, растерянный, я бы даже сказал, сломленный, но все же еще пытающийся оставаться на плаву. В Париже, я так понял, не прижился, мечтает вернуться в Россию. Но бедность не позволяет вернуться легально, а возраст и плохое здоровье – проникнуть в Россию нелегально. Такой он сегодня.

– И вывод? – уже явно заинтересованно спросил Фролов.

– Мне показалось, что опасаться его не следует.

– Не уверен. Я же помню, он якшался с белогвардейскими контрразведчиками, – Фролову не понравился вывод Павла, он показался ему легкомысленным. – Собственно, тогда мы с ним и познакомились. Помнится, у контрразведчиков возникли кое-какие сомнения на мой счет, и с помощью Миронова они пытались меня разоблачить.

– Какая-то случайность, – убежденно сказал Кольцов. – Я несколько раз встречался с ним значительно позже. И он уже тогда зарабатывал себе на жизнь рулеткой и другими различными аферами. Помнится, пытался кому-то продать на металлолом Эйфелеву башню. Но в этом своем ремесле явно не преуспевал. Нет, его связь с контрразведкой – это какой-то нелепый случай. Об этом свидетельствует его последующая жизнь, Да и нынешняя тоже. Когда-то он был медвежатником, затем стал промышлять рулеткой. Сейчас опустился еще на ступень ниже, стал наперсточником. И, похоже, опять терпит неудачи.

– Человек, загнанный бедностью в угол, способен на самые грязные поступки, – заметил Фролов.

– Но я ведь не сказал, что надо с ним сотрудничать или водить дружбу. Я только уверовал в то, что он нам не опасен. Но это мой вывод. Я его никому не навязываю.

– Это все? – спросил Фролов.

– Пожалуй. Вот только бродит у меня в голове одна мыслишка. Только никак я ее за хвост не ухвачу.

– Касается нас?

– Не знаю. Вообще-то, да. Только я пока не пойму, как ее внятно высказать, – вздохнул Кольцов, и надолго замолчал. Отсутствующим взглядом блуждал по комнате, по лицам своих товарищей.

– Ну-ну, говори что-нибудь, – подтолкнул его Фролов.

– Я вот о чем. Понимаете, Миронов – аферист, наперсточник. К тому же, редкостный неудачник. По социальному статусу сродни клошарам. Так ведь?

– Допустим. Что из этого следует?

– Рыжий Раймон – тоже бывший клошар. Но сумел стать на ноги. И, как нам рассказали, охотно привечает в «Колесе» клошаров. В холодные дни они там у него отогреваются. Он их знает, они – его, – вслух неторопливо думал Кольцов.

– То есть ты предлагаешь привлечь к этому делу Миронова? – удивленно спросил Фролов.

– Я ничего не предлагаю. Я размышляю. Советуюсь, – возразил Кольцов. – Допустим, в конечном счете мы найдем этого Раймона. Допустим также, что он имеет какое-то отношение к хищению саквояжа. Хотя тут тоже бабка надвое гадала. О чем будем с ним говорить? Конечно же, о саквояже. Видел – не видел, знаешь – не знаешь, помоги его найти. Предлагаем ему за помощь деньги. Проще говоря, мы покупаем саквояж. Если Раймон причастен к хищению, то уж, конечно, знает его пустячное содержимое. Это, если он, будем надеяться, не проник в его бриллиантовую тайну. Соответственно, и деньги мы можем предлагать лишь равные стоимости саквояжа и его копеечного содержимого. Но ведь есть в этом деле и третье сослагательное: страх. Действие-то криминальное. Какие деньги надо заплатить, чтобы они помогли Раймону пересилить страх? Я не знаю. Вы, вероятно, тоже. За малые деньги он говорит «не знаю» потому, что это ему или им не выгодно и опасно. Тогда мы добавляем и платим уже большие деньги.

– Нет-нет, только не это! – вклинился в разговор все время молчаливо переживавший этот разговор Старцев. – Это тем более насторожит его. Или их. И наведет на мысли о двойном дне и прочем.

– Правильно, – поддержал Старцева Кольцов. – В этом случае они наверняка раздолбят, раздраконят саквояж и в конце концов доберутся до бриллиантов. Но есть и второй вариант: он или они уже знают бриллиантовую тайну саквояжа. И на время просто залегли на дно. Наши поиски еще больше насторожат их. Я не знаю, как поступит он или они.

– Получается, куда ни кинь, всюду клин, – мрачно сказал Фролов. – Но продолжай. Начал-то ты с разговора о Миронове.

– Я все увереннее начинаю думать, что это – единственный человек, с помощью которого мы еще можем на что-то надеяться.

– Как это может выглядеть? – удивленно вскинулся Фролов. Остальные тоже устремили на Павла свои вопрошающие взгляды.

– Чего не знаю, того не знаю, – чистосердечно сознался Кольцов. – Бродят в голове разные мысли, и ни одну я никак не могу до конца проследить. Я подумал, что Миронов, если, конечно, захочет, легко найдет общий язык с клошарами, обитающими в районе Северного вокзала. Или же с завсегдатаями «Колеса». Социально близкий им человек. И поэтому я несколько не сомневаюсь, что он сумеет выйти на Рыжего Раймона.

– Начало хорошее, – согласился Фролов. – Жаль, что продолжение хуже, – и стал объяснять: – Условие, при котором Миронов примет наше предложение, как мне видится, единственное. Он должен быть посвящен в тайну саквояжа, а мы обязаны пообещать ему, по окончании, соответствующую плату. И не малую, как вы понимаете. Но пойти на это мы не можем. Но допустим, что мы на это решились. Тут тоже на первый взгляд просматриваются три варианта, и все три – не в нашу пользу. Первый: Миронов открывает Раймону тайну саквояжа, и они, по определению Павла, как социально близкие, делят бриллианты между собой. Нам же Миронов говорит: «Раймон ничего не знает». Вариант второй: Миронов, не знаю уж каким образом, покупает или ворует у Раймона саквояж. Конечный результат тот же. И третий: Миронов насторожил Раймона, и тот, что-то заподозрив, сам расправляется с саквояжем и завладевает бриллиантами.

– На этом я все время и спотыкаюсь, – сказал Павел. – Каким способом избежать всех этих опасностей?

Никто ему не ответил. Судя по их сосредоточенным лицам, они тоже включились в разгадку этого ребуса, который напоминал старинную загадку о лодочнике, которому нужно было перевезти через реку козу, волка и капусту. Но – либо волк съест козу, либо коза – капусту. Как лодочнику обойтись без потерь? В современной загадке вместо волка, козы и капусты были Миронов, Рыжий Раймон и, предположительно, его друзья клошары, а вместо капусты – бриллианты на несколько миллионов франков.

– Ну, хорошо. Поразмышляем дальше о плюсах и минусах, – предложил Кольцов, нарушив тягостную тишину. Надо думать, он уже давно размышлял над этой головоломкой. – Предположим, что мы все же решаем включить в это дело Миронова. На его счет у меня мало сомнений. Человек он легкий, контактный. И, как мне кажется, честный. Да-да! Даже в его аферах было много наивного, детского. Так вот. Как мы можем себя обезопасить на самый черный случай? Связь с Мироновым будет поддерживать один-единственный человек, и это буду я. По праву давнего знакомства. Таким образом, никто из нас, кроме меня, не будет подвергаться опасности. Где живет Миронов, я узнаю. Это тоже важно, потому что мне будет необходимо поддерживать с ним связь и, вместе с тем, не упускать его из вида. Теперь о легенде. Он знает, что я – красный командир, чекист. Поэтому мне незачем ему врать. Да, я приехал из Советской России, нахожусь здесь нелегально. Уже уехал бы обратно. Но... у меня случилась неприятность: украли саквояж, в котором надежно упрятаны секретные бумаги. Да-да, именно секретные бумаги. Поэтому по возвращении в Россию мне грозят большие неприятности. Возможно даже, военно-полевой суд. О бриллиантах Миронов знать ничего не будет, поэтому и большого соблазна не возникнет. Секретные бумаги, это тот товар, на который без риска еще надо найти покупателя.

– Уже интереснее, – скептически хмыкнул Фролов. – Не очень убедительно, но, во всяком случае, интересно.

– Я свою фантазию уже исчерпал, – незлобиво огрызнулся Кольцов. – Все, что придумал, я вам уже изложил. Предложите что-то более интересное.

– Ну, что за обиды! – Фролов примирительно положил руку Павлу на плечо. – Продолжай! При целом ряде «но» здесь что-то просматривается.

– У меня самого много «но», – согласился Кольцов. – К примеру, за какие такие коврижки Миронов возьмется за это? За то, что я когда-то спас его от смерти? Но это уже быльем поросло. Значит, нужно заплатить. И хорошо заплатить.

– И вернулись к тому, с чего начинали, – разочарованно сказал Болотов.

– Не совсем. Я хочу пообещать помочь ему вернуться в Россию и не оставить его без внимания там. Я понял, помывавшись на чужбине, он мечтает о возвращении на Родину.

– А поверит?

– «Поверит – не поверит» – я не гадалка. Прежде я ни разу ни в чем его не обманул. Кстати, и сейчас не обману. С удовольствием помогу ему обосноваться в России. Рыжий Раймон, конечно, тоже не станет помогать Миронову за красивые глаза. Кое-что ему придется заплатить, – Кольцов коротко взглянул на Болотова, – но не столь уж значительную сумму. Стоимость саквояжа, ну еще немного.

– А что! – прозвучал в наступившей тишине голос Болотова. – Предложение товарища Кольцова вполне обоснованное. Оно мне нравится. То есть, если бы все получилось, как он рассказал, то я – «за»!

– Мне тоже кажется это убедительным, – водрузив на нос пенсне, внимательно оглядел всех Иван Платонович.

– Подписываюсь, – коротко согласился Бушкин, и добавил: – Я лично, хоть и не знаком с ним, с этим самым Мироновым, но крепко в него верю. Пролетарий. Такой не обманет.

– Продумай все еще раз, Паша, – попросил Фролов. – Во всяком случае, если ничего не получится, сможем с чистой совестью сами себе сказать: сделали все, что смогли. Но не будем отказываться и от иных вариантов, если они у кого-либо есть.

Никто не ответил. Иных вариантов ни у кого не было.

Предложенный Кольцовым вариант тоже был сомнительным. Это понимали все, разве что, кроме Бушкина. Но он сулил хоть и весьма призрачную, но все же надежду.

Глава седьмая

Как ни поджимало их время, но на следующий день Кольцов вынужден был сделать себе выходной. «Блошинные рынки» в Париже работали не каждый день, а иной возможности разыскать Миронова, кроме как на рынке, у Павла не было.

Разбудило его какое-то тихое бормотание. Приоткрыв глаза, он увидел, что его «сокамерники» Иван Платонович и Бушкин, уже одетые, склонились над лежащей на столе где-то раздобытой картой Парижа и внимательно ее изучали. Старцева интересовало, как от бульвара ла Шапель пешком добраться до Лувра. Бушкин же намеревался посетить кладбище Пер-Лашез, увидеть стену Коммунаров, а оттуда еще дойти до площади Бастилии.

Вскоре они тихонько ушли.

Павел еще какое-то время потомился в их неудобной келье, мысленно перебирая самые разные варианты будущего разговора с Мироновым. Мысли о том, что Миронов может просто отказаться от его предложения, он не допускал. Даже не хотел думать. Чем больше он размышлял об этом, тем больше верил в разумную попытку. Иного варианта все равно не было.

Задача была даже не в этом. Ему предстояло не просто уговорить Миронова взяться за это дело, но, отбросив все иные свои дела, отнестись к нему в высшей степени заинтересованно и при этом проявить все свое умение, изобретательность, сноровку, хитрость. То есть Павлу предстояло убедить Миронова в том, что судьба послала ему едва ли не единственный шанс выбраться из нищеты, вернуться на родину и обрести там достойную жизнь.

Утро тянулось бесконечно. Ему хотелось, чтобы этот день поскорее закончился и наступил следующий. Это было нетерпение человека, который уже почти достиг желанной цели, но в последний момент путь к ней преградило неожиданное препятствие.

Чтобы как-то отвлечься и скоротать время, он вышел из дому. Был час «пети дине» – малого утреннего завтрака. Павел буквально на ходу выпил чашечку кофе с круассаном в крохотном домашнем бистро с единственным столиком, выставленным возле входной двери прямо на тротуар.

С бульвара ла Шапель, немного побродив по узким живописным улочкам, он вышел к площади Бланш, которая когда-то славилась своими ветряными мельницами. Сейчас же, напоминая о тех славных временах, на площади впустую махала своими красными крыльями декоративная мельница Мулен Руж.

Стоя на площади Бланш, Павел определил свой дальнейший маршрут. Вдалеке, на самой вершине Монпарнасского холма, возвышалась строгая базилика Сакре-Кёр. Она притягивала взор своим ярко белым куполом и служила хорошим ориентиром. Впереди был ничем не заполненный день, и Павел решил подняться на самый верх холма и оттуда, с высоты, посмотреть на Париж.

Все пространство холма было опоясано узкими улочками с домами самой причудливой архитектуры, которая диктовалась только рельефом. У подножия холма дома еще соблюдали какой-то благообразный вид и уважительно относились друг к другу. Здесь жизненное пространство еще измерялось квадратными метрами. Перед иными домами даже имелись крохотные палисадники. Но чем выше карабкались вверх улочки, тем затейливее выглядели на них дома. Они пытались занимать как можно меньше площади и поэтому стремились ввысь. Плоские, квадратные, полукруглые, с мудреными ломаными крышами, с замысловатыми окнами и оконцами, с мостками, перекинутыми к входным дверям прямо от мостовой, эти дома были настолько необычными, что привлекали к себе не только горожан, но и массу туристов. Но особенно эти улочки с незапамятных времен привлекали художников. Они приезжают сюда не только из Франции, но и из других государств, как правоверные мусульмане едут в Мекку, и

по многу часов стоят здесь у своих мольбертов – и ранним утром, и днем, и даже ночью, при свете фонарей. Стоят в жару и в холод, зимой и летом.

Узенькая улочка Лепик, на которой каким-то чудом еще сохранились две настоящие мельницы и разместилось множество крохотных бистро, ведет к самой вершине холма. В холодные вечера в этих бистро отогреваются за чашечкой кофе художники, журналисты и многочисленное племя жриц любви.

Именно здесь, на Монмартре, возникли первые бистро. Пришедшие в 1814 году в Париж русские казаки нетерпеливо поторапливали вальяжных парижан коротким и хлестким словом «Быстро!». От него и пошли эти дешевые мелкие харчевни, в которых и поныне обслуживают клиентов мгновенно.

На площади Тертр, от которой всего ничего до базилики Сакре-Кёр, – постоянно настоящее столпотворение. Эту площадь целиком занимают уличные художники. Мало кто из них является членом какого либо общества, товарищества или ассоциации. Это никем не организованное и ничем не связанное между собой братство. Карандашом ли, кистью они создают здесь, на глазах у прохожих, свои маленькие шедевры. Во всяком случае, каждый из них убежден в этом. Любителей оказаться владельцем своего живописного портрета всегда оказывается немало. Рисуют художники с натуры и, завершив свою работу, тут же продают свой труд очередному заказчику. Тем и живут. Кто впроголодь, а кто спустя время вырывается из нищеты и приобретает всемирную известность.

Почти возле каждого художника можно увидеть своеобразную рекламу его таланта: планшеты, на которых мастер разместил несколько лучших своих работ, портретов или этюдов с изображением причудливых улочек Монмартра.

Павел медленно проталкивался сквозь толпу ротозеев, окружающих художников. Те из них, кто в данный момент не был занят, предлагали прохожим свои услуги. Павел улыбнулся, представив себе свой портрет, нелегала и разведчика, выставленный на всеобщее обозрение.

Никуда не спеша, он обошел всю площадь. Здесь все было ему интересно. Разные художники, разная мера таланта, отсюда и такие разные по выразительности лица на портретах. Охотнее всего заказывают свои портреты молоденькие девушки, и редко кто из художников, даже самые талантливые из них, не избегают соблазна приукрасить их лица. Пустенькие личики, пухленькие губки, глазки-пуговички, красивенькие цветные виньетки вокруг. И поэтому все девичьи портреты у разных художников больше походили на карамельные святочные открытки.

Мужские портреты у хороших художников отражали характеры. Павел выхватывал взглядом в этой галерее наиболее выразительные лица. Вот пожилой мужчина с рублеными чертами лица, в свитере грубой вязки. Моряк или геолог. Человек, немало повидавший на своем веку, упрямый, основательный, надежный. И еще один портрет. У того же художника. Хитроватый прищур глаз, взгляд угодливый, торопливый. Во всем облике что-то лисье. Чиновник? Маклер? Всего шесть портретов выставил художник на рекламное обозрение. Но каждый портрет – характер.

Возле этого художника Павел задержался подольше. Ему понравилось, как он работал. Легко и быстро набрасывал на лист ватмана контур портрета, затем долго и тщательно прорабатывал детали, цепкими глазами вглядываясь в лицо натуры. На своем рекламном планшете он поместил всего четыре портрета: три мужских и один девичий. Очень тонкая, изящная работа.

Понаблюдав за работой художника, Павел отправился дальше, к базилике. Сделав несколько шагов, он внезапно остановился. Даже не сразу понял, почему. Но, подчиняясь какому-то подсознательному чувству, он торопливо вернулся к художнику, за работой которого только что наблюдал. Тот уже закончил портрет и, вложив его в большой конверт, передал немолодой женщине, явно не горожанке. А Павел тем временем вновь взглянул на планшет, еще раз остановил свой взгляд на единственном в галерее портрете девушки. И его охватило

волнение. Нет, этого не могло быть! Почему он не заметил этого сразу, с первого же взгляда? На него с портрета смотрела девушка, поразительно похожая на Таню Щукину.

В природе бывают двойники. И все же, если внимательно присмотреться, между ними всегда найдешь разницу. Здесь же была Таня. Та же прическа с кокетливой прядью, брошенной на лоб, та же ямочка на подбородке, те же глубокие серые, только Тане присущие, с игривым прищуром глаза.

Никаких сомнений у Павла не осталось. Если это не какая-то случайность, не невероятная игра природы, тогда это действительно была его Таня.

Постепенно он начал что-то понимать. Вспоминая ее, он ведь так и предполагал, что она может быть здесь, в Париже, и даже втайне верил в случайную встречу на какой-нибудь парижской улице. Вот она и произошла, эта встреча. Ничего невероятного. Можно было только предположить, что в один из дней Таня была здесь же, на Монмартре, на этой уютной крохотной площади Тертр, и этот парижский художник нарисовал ее портрет. Но почему она не забрала его? Или художник специально для своего рекламного планшета сделал копию? Что знает о ней этот художник? Возможно, они знакомы? Или вдруг она попросила доставить портрет ей домой и оставила ему свой адрес? Как выяснить все это, владея всего лишь несколькими десятками французских слов?

Выждав, когда заказчица уже покинет художника, Павел кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

– Месье хочет заказать свой портрет? – спросил художник по-французски, цепким профессиональным взглядом рассматривая его лицо.

– Пардон, месье... муа дезире... черт, узнать, выяснить, – растерянно пробормотал Павел.

Поняв языковые затруднения незнакомца, художник сказал:

– Говорите по-русски.

– Вы – русский? – ошеломленно спросил Павел.

– Чему вы так удивляетесь? В Париже всегда было много русских. Сейчас, в связи с известными вам событиями, их стало много больше, – спокойно ответил художник. – Что вы хотели спросить?

– Этот портрет... – Павел указал на портрет Тани и взволнованно спросил: – Чей он, этот портрет?

– Моей заказчицы.

– Я понимаю... глупый вопрос. Но, может быть, вы случайно знаете, кто она. Ну хотя бы ее фамилию?

– Извините, но не в моих правилах разглашать фамилии моих заказчиков, даже если я их случайно знаю. Тем более, как вы понимаете, мне нужны их деньги, а не их фамилии. Как правило, они знают мою фамилию, я их – нет.

– Ну, может быть, вы хоть что-то знаете об этой девушке? – взмолился Павел. – Это для меня очень важно.

– Тогда расскажите, – попросил художник. – Расскажите, почему это для вас важно?

– Да-да, конечно. Скажите, но вы действительно сможете мне помочь?

– Это зависит от того, что вы мне расскажете, – безжалостно и твердо ответил парень, и затем добавил: – И, конечно, если я вам поверю.

Павел понял, что он не может открыться незнакомому человеку, несмотря даже на то, что тот, похоже, знает Таню и смог бы ему помочь ее разыскать. Не имеет права. Кто может сказать, как этот парень себя поведет после его исповеди? С кем он связан? Какие отношения у него с отцом Тани, полковником Щукиным, который, надо полагать, тоже находится в Париже? И какие отношения у него с Таней? Что, если он в нее влюблен? Это более чем возможно: в нее

нельзя не влюбиться. И тогда Павел оказывается его соперником, а соперника, как известно, лучше убрать с дороги. Какой способ он для этого изберет?

Павел с грустью подумал, что не стоит ему испытывать судьбу и лучше всего как можно быстрее удалиться.

– Ну что же вы! – настойчиво и нетерпеливо сказал художник. – Рассказывайте!

А что, собственно, Павел может рассказать о себе такого, чтобы тот ему поверил? Для этого парня он – незнакомец. Что бы он ни рассказал, парень в равной степени может ему поверить, а может и нет. Скорее всего, не поверит. Иное дело, если он расскажет что-то о Тане. Причем, только то, что знает лишь небольшой круг лиц. Но что? Что он знает такого, чего не знают многие.

Ему вспомнилась давняя прогулка с Таней по вечернему Харькову после посещения оперы «Кармен». Был сказочный осенний вечер, и Таня вдруг распахнула ему свою душу, разоткровенничалась. Она рассказала тогда о их жизни в Петербурге, потом – в Харькове. Здесь она училась в институте благородных девиц. Нет, это не то. Обычная судьба девушки определенного круга. А нужны индивидуальные подробности. Помнится, Таня рассказывала тогда о своей жизни после смерти мамы. Вспоминала небольшой южный городок Приморское неподалеку от Севастополя. Она ездила туда два года подряд и жила у маминой родственницы. Ее звали Нина Викторовна. Тетя играла на пианино и красиво пела русские романсы. Что еще? Что-то рассказывала о соседском мальчишке, который защищал ее от поселковых хулиганов. Кажется, любил рисовать и изрисовал все окрестные заборы. А однажды даже нарисовал ее портрет. Бумаги не было, и он нарисовал ее грифелем на гладко ошпунтованной доске.

Какие странные воспоминания! Из каких лабиринтов его памяти выплыли они на свет? От вечерней прогулки по осеннему Харькову до крохотного курортного городка Приморское, от рисунка грифелем на доске до нынешнего портрета на ватмане. Кто был тот влюбленный в нее мальчишка, нарисовавший тогда ее портрет на доске? Не он ли спустя годы стал этим талантливым парижским художником? Очень даже возможно. Вполне все сходится. Он – русский. Они могли быть знакомы еще там, в России. Сюда, в Париж, устремились многие в поисках лучшей доли. Он и она – они приехали сюда в разное время. И нет никакого чуда, что встретились здесь, на Монмартре, потому что сюда стараются прийти даже те, кто оказался в Париже хотя бы на день.

Парень-художник не торопил Павла, он молча вопросительно смотрел на него, ждал.

– Вам знаком маленький крымский городок Приморское? – по какому-то внутреннему наитию спросил Кольцов. – Лето. Юная девушка живет у своей тети. И соседский мальчишка защищает ее от местных хулиганов.

– Достаточно. Да, это был я, – остановил он Павла и, улыбаясь, протянул ему руку. – Максим.

Какой-то мужчина подступил к Максиму, спросил, не сможет ли он нарисовать его портрет.

– Сегодня я занят, – ответил художник и предложил Кольцову. – Идемте куда-нибудь в укромное место, где можно было бы в тишине спокойно поговорить. Мне сейчас мало доводится говорить по-русски. Соскучился.

– А с Таней?

– И с Таней. Мы очень редко с ней видимся.

Он собрал свои нехитрые вещи в чемодан, закинул за плечи мольберт, штатив отдал Павлу. Пояснил:

– Здесь неподалеку есть хорошее кабаре. В эту пору там пока еще немного посетителей. Можно будет спокойно поговорить.

Кабаре называлось «Шустрый кролик». Оно было просторное, с двумя уютными залами. И почти пустое. Где-то в глубине соседнего зала звучала струнная музыка. Это управляющий кабаре папаша Фреде, за отсутствием посетителей, сам себя развлекал игрой на гитаре.

Они облюбовали столик у окна, откуда можно было наблюдать за сплошным потоком туристов, бредущих в гору по мостовой.

Максим на минуту отлучился, и вскоре пожилой гарсон принес им тарелку с различными бутербродами, блюдечко с орешками и бутылку «Божоле».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.